

Секретно.

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ

ВЫПУСКЪ V.

Поѣздка по Бухарскимъ и Афганскимъ владѣніямъ (1877 г.) Г. Ш. Подполковника **Матвѣева**. Поѣздка изъ Самарканда черезъ Афганистанъ въ Герать (1878 г.) Г. Ш. Подполковника **Гроденова**. Записка о путяхъ изъ Закаспійскаго края въ Герать Г.-М. **Гроденова**. Записка объ обозахъ для войскъ Туркестанскаго воен. округа Г.-М. **Куропаткина**.

— 348 —

ИЗДАНІЕ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВОЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ (ВЪ ЗДАЦІИ ГЛАВНАГО ШТАБА).

1883.

П О Ъ З Д К А
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА МАТВѢВА
по
БУХАРСКИМЪ и АВГАНСКИМЪ ВЛАДѢНІЯМЪ
въ февраль 1877 г.

Общій очеркъ.

Постоянное вмѣшательство Лондонскаго кабинета въ дѣла континентальныхъ державъ и, въ особенности, слишкомъ ревнивое охраненіе лордомъ Биконсфильдомъ интересовъ великобританской націи на востокѣ, въ прямой ущербъ русскимъ интересамъ, поставили Россію въ послѣднюю турецкую войну почти въ враждебныя отношенія къ Англіи и привели насъ, путемъ дипломатіи, къ дружественнымъ отношеніямъ съ Авганистаномъ.

Благодаря высокому политическому положенію, приобретенному русскими въ средней Азіи въ послѣднее десятилѣтіе, наши дипломатическія сношенія съ авганцами, въ минувшее лѣто, увѣнчались успѣхомъ, до того полнымъ, что съ прибытіемъ русской миссіи въ Кабуль, правитель Авганистана, эмиръ Ширъ-Али, успѣшилъ окончательно прервать и безъ того шаткую дружбу свою съ англичанами и открыто признать себя нашимъ союзникомъ: традиціонное вліяніе Индіи на Авганистанъ, стоившее Англіи довольно значительныхъ матеріальныхъ средствъ, мгновенно прекратилось; пути къ англійскимъ владѣніямъ въ Азіи были для насъ свободны.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, Туркестанскій генераль-губернаторъ приказалъ немедленно снарядить

экспедицію для изслѣдованія дорогъ, ведущихъ по кратчайшему направленію отъ нашихъ границъ къ границамъ Индіи и для собиранія точныхъ свѣдѣній, какъ о мѣстности и продовольственныхъ средствахъ восточной Бухары и сѣвернаго Авганистана, такъ и о нравственномъ настроеніи, по отношенію къ намъ, туземнаго населенія, въ случаѣ появленія нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи. Кромѣ этихъ специально военныхъ цѣлей, экспедиція имѣла еще цѣлью: опредѣленіе на своемъ пути географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ, барометрическое опредѣленіе высотъ, производство магнитныхъ наблюденій и изслѣдованіе фауны и флоры посѣщаемыхъ ею странъ.

Приказаніе о снаряженіи этой экспедиціи получено было 14 сентября.

Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ я, а членами 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Троцкій, исправляющій должность директора Ташкентской физической обсерваторіи астрономъ г. Шварцъ и состоящій при Императорской академіи наукъ зоологъ г. Русовъ.

По предположенію, утвержденному генераль-губернаторомъ, 18-го сентября, экспедиція должна была безотлагательно отправиться изъ Ташкента въ Самаркандъ, выступить оттуда не позже 1-го октября и слѣдовать черезъ *Пенджакентъ*, *Верзаминоръ* и *Фанъ*, мимо озера *Искандеръ-куля* къ перевалу Мура. Перейдя Гиссарскій хребетъ, экспедиціи слѣдовало направиться, черезъ *Каратагъ*, въ *Гиссаръ*, а оттуда черезъ *Дюшамбе*, *Кафирниганъ*, *Фейзабаръ* и *Бальджуанъ* къ *Кулябу*; отсюда предположено было отправиться въ Бадахшанъ, слѣдуя черезъ *Сары-Чашма*, верховья Аму-Дарьи (Пяаджъ) на *Чайюбъ*, *Рустакъ*, переваль *Казыль-Дара* къ столицѣ Бадахшана, *Фейзабаду*. Здѣсь экспедиція предполагала пробыть нѣсколько дней для собиранія свѣдѣній, какъ о Бадахшанѣ, такъ и о сосѣднемъ малоизвѣстномъ Кафиристанѣ и затѣмъ направиться вдоль р. Кокчи къ Индокушу.

Предполагая прибыть къ подошвѣ Индо-Куша въ первыхъ числахъ ноября, экспедиція должна была до наступленія зимы изслѣдовать перевалы: Аграмъ, Хартизанъ и Нуксанъ и, перейдя хребетъ, достигнуть до Читрالی. Отсюда экспедиція намѣрена

была пробраться через *Лагорійскій перевалъ* въ *Диръ* и, собравъ необходимыя свѣдѣнія о дорогѣ, ведущей отъ Джанбатая, черезъ *Міанъ-кала*, въ *Аладантъ*, идти поспѣшно вдоль англійской границы черезъ *Коджаваръ*, *Кунаръ*, *Джелмалабадъ* къ г. *Кабулу*. Не останавливаясь долго въ Кабулѣ, экспедиція предполагала возвратиться въ Ташкентъ по извѣстной уже намъ дорогѣ черезъ *Баміамское ущелье*.

Въ этомъ заключался весь планъ предполагаемой поѣздки. Выполненіе этого плана, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, требовало не менѣе четырехъ мѣсяцевъ времени. Но если-бы по климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ или по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ оказалось невозможнымъ проникнуть черезъ Кафиристанъ въ Кабулъ, то экспедиція должна была ограничиться только изслѣдованіемъ переваловъ черезъ *Индо-Кушъ* и обзоромъ мѣстности до *Чиртали* и, возвратившись въ *Фейзабадъ*, направиться къ западу лѣвымъ берегомъ *Амударьи*, черезъ *Кундузъ*, *Ташъ-Курганъ* и *Балхъ* къ *Келифу* и отсюда возвратиться въ Ташкентъ. Въ этомъ случаѣ вся поѣздка должна была продолжаться только два мѣсяца.

Для успѣха дѣла вообще и, въ особенности, для безпрепятственнаго преслѣдованія экспедиціи по мѣстностямъ, никогда или весьма рѣдко посѣщеннымъ европейцами, всѣ члены экспедиціи были снабжены открытыми листами отъ имени генералъ-губернатора, на англійскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ, и для избѣжанія всякихъ недоразумѣній со стороны туземныхъ мѣстныхъ властей, о поѣздѣ нашей сообщено было своевременно Бухарскому и Авганскому эмирамъ.

Собравшись на скоро въ дорогу, экспедиція отправилась изъ Ташкента 21-го сентября и, снарядившись въ Самаркандѣ, была окончательно готова къ выступленію изъ нашихъ предѣловъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Личный составъ экспедиціи былъ слѣдующій. Начальникъ, три члена, два переводчика (турекскій и персидскій), два стрѣлка, семь казаковъ и два джигита; всего 17 человекъ. Между тѣмъ, по позднему времени года, пришлось измѣнить изложенный выше планъ поѣздки уже съ самаго начала. Узнавъ, что на склонахъ *Муры* выпалъ глубокой снѣгъ уже на

*

высотѣ 9 тысячъ футовъ ¹⁾, и что сообщеніе съ Гиссарскимъ краемъ этимъ путемъ прекращено, экспедиція направилась изъ Самарканда, 30-го сентября, къ югу, прошла черезъ довольно низкій и удобный перевалъ Каратюбе (Тохта-Карача) ²⁾ и прибыла на другой день въ Китабъ, гдѣ я и всѣ мои спутники имѣли честь представиться Бухарскому эмиру. Благодаря любезности эмира, экспедиція совершила свое дальнѣйшее путешествіе по бухарскимъ владѣніямъ до г. Куляба, съ полнѣйшимъ комфортомъ, при чемъ мною была сдѣлана, совершенно безпрепятственно, маршрутная съемка, въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ, съ барометрическимъ опредѣленіемъ высотъ, на что я имѣлъ дозволеніе самаго эмира. Моимъ дѣятельнымъ помощникомъ при составленіи маршрута былъ прапорщикъ Троцкий. Астрономическія же и магнитныя наблюденія производилъ г. Шварцомъ.

Въ Байсунѣ я долженъ былъ, къ сожалѣнію, разстаться съ г. Русовымъ, который убѣдившись, что позднее время года крайне затрудняетъ его зоологическія экскурсіи, отказался отъ дальнѣйшей поѣздки и вернулся въ Самаркандъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ.

Желая провѣрить свѣдѣнія о прекращеніи сообщенія черезъ перевалъ Мура, я, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Троцкимъ, отправился изъ Каратага 16-го октября и осмотрѣлъ, на протяженіи около 10 верстъ, путь, ведущій къ перевалу съ юга: мѣстность была едва доступна для одиночныхъ всадниковъ; узкая тропинка вилась по отвѣсному горному карнизу, возвышавшемуся около 200 футовъ надъ быстрымъ потокомъ, называемымъ Каратагъ-Дарья и терялась далѣе въ горахъ, гдѣ она была занесена снѣгомъ. Эта рекогносцировка убѣдила меня окончательно въ невозможности перевалить здѣсь горы, въ особенности позднюю осень и зиму.

¹⁾ Абсолютная высота перевала Мура по опредѣленію полковника барона Амшова 12,200 футовъ (Ежегодникъ Туркестанскаго края, выпускъ III стр. 86).

²⁾ По нашему барометрическому опредѣленію высота Каратюбинскаго перевала не превышаетъ 5,200 футовъ.

По словамъ туземцевъ, сообщенія съ Зеравшанскою долиною черезъ Муру прекратились уже съ половины августа и нѣсколь-ко человекъ туземцевъ, желая пробраться черезъ этотъ пере-валъ, еще въ началѣ сентября, едва не погибли въ глубокомъ снѣгу.

Прибывъ, г. Кулябъ 22 октября и не желая пробраться на Авганскую территорію неожиданно для ея мѣстныхъ властей, я въ тотъ же день послалъ своего персидскаго переводчика въ г. Рустакъ, къ старшему начальнику съ открытымъ листомъ, выданнымъ мнѣ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и съ запискою на персидскомъ языкѣ слѣдующаго содержания.

„Его Высокопревосходительство Туркестанскій генераль-губер-наторъ поручилъ мнѣ и двумъ моимъ товарищамъ ознакомиться съ малоизвѣстными странами средней Азіи, а въ особенности съ дружественнымъ намъ авганскимъ народомъ и письменно просилъ эмира Ширъ-Али дозволить намъ проѣхать безпрепят-ственно по его владѣніямъ. Прибывъ сегодня въ Бухарскій городъ Кулябъ и желая немедленно пріѣхать въ г. Рустакъ, прошу уважаемаго начальника города прислать мнѣ на встрѣчу къ берегу Аму-Дарьи одного проводника. Желая почтенному начальнику здоровья и счастья и жду скорого его отвѣта“.

25 октября, т. е. на третій день послѣ отъѣзда переводчика, я получилъ письмо отъ сына Рустакскаго хана, Мухамедъ-Ноби-хана, оставшагося за начальника города Рустака. Въ письмѣ этомъ сообщалось, что самъ Джули-ханъ отозванъ въ Тахтапуль, по служебнымъ дѣламъ, и что безъ его разрѣшенія намъ нельзя переправиться на авганскій берегъ, но что донесеніе о нашемъ прибытіи къ границѣ послано въ Тахтапуль ¹⁾, и потому просятъ насъ, въ ожиданіи отвѣта пробыть въ Кулябѣ еще два дня. Предполагая, что отвѣтъ не можетъ быть иной, какъ положи-тельный, мы 25 октября вышли изъ Куляба и въ тотъ же день прибыли къ селенію Багоракъ на Аму-Дарьѣ (въ 7 верстахъ къ югу отъ Сары-Чашма), съ цѣлью переправиться на Авганскую территорію, но какъ разъ въ это время вернулся изъ Рустака нашъ персидскій переводчикъ и привезъ отъ хана записку съ

¹⁾ Отъ Рустака до Тахтапуля около 280 верстъ.

положительнымъ отказомъ переправиться на этомъ мѣстѣ и съ объясненіемъ, что до нашего пріѣзда въ Бадахшанъ намъ необходимо быть въ Мазаръ и Шерифъ для личнаго свиданія съ Тахтапульскимъ ханамъ и начальникомъ всего сѣвернаго Авганистана Люинабъ-саибомъ. Подобный отвѣтъ былъ для насъ совершенно неожиданъ и окончательно разстраивалъ весь планъ нашей поѣздки въ Бадахшанъ и Кафиристанъ, но тѣмъ не менѣе я рѣшился идти немедленно въ Мазаръ и Шерифъ для личныхъ переговоровъ съ Люинабомъ. Предполагая совершить переправу черезъ Аму близъ Кабадіяна, мы вышли изъ Багорака 28-го октября и, слѣдуя правымъ берегомъ рѣки, по мѣстности никѣмъ еще не изслѣдованной, прошли въ два дня 120 верстъ и расположились вечеромъ 29-го октября въ полѣ, близъ развалинъ г. Сарая, въ 4 верстахъ отъ Аму-Дарьи, съ тѣмъ чтобы на слѣдующій день отправиться въ Кабадіанъ. Между тѣмъ, ночью, два авганна доставили мнѣ отъ начальника Рустакскаго отдѣла новое письмо, съ приглашеніемъ переправиться на авганскій берегъ, гдѣ намъ угодно и съ объясненіемъ, что приглашеніе это дѣлается по приказанію Тахтапульскаго хана Люинабъ-саиба. Тогда мы, на разсвѣтѣ, 30-го октября, переѣхали черезъ Аму-Дарью на лодкѣ близъ мѣста, называемаго на нашихъ картахъ Кунда-гузаръ ¹⁾ и направились къ укрѣпленію Ходжеигаръ, расположенному на р. Кокчѣ, куда и прибыли 31-го октября въ полдень. Здѣсь мы встрѣтили довольно почетный пріемъ и въ наше распоряженіе назначенъ былъ авганскій конвой изъ 25 хорошо вооруженныхъ всадниковъ. 1-го ноября мы вступили въ Рустагъ и расположились въ ханскомъ паркѣ, въ превосходныхъ англійскихъ палаткахъ изъ двойной бѣлой парусины. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ самъ начальникъ Рустакскаго хана Мухаметъ-Ноби-Ханъ, весьма представительный и симпатичный юноша, лѣтъ 19-ти, съ толпою своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ однако не былъ командующій войсками, расположенными въ Рустагѣ, болѣе другихъ противившейся

¹⁾ Лошади наши переправились вплавь. Ширина Аму-Дарьи на этомъ мѣстѣ не превышаетъ 100 сажень, глубина 2 сажени, быстрота теченія около 5 футовъ въ секунду, берега отлоги и покрыты галькою и пескомъ.

пропуску насъ въ Бадахшанъ. Мухаметъ-Ноби-Ханъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ извинялся въ задержаніи насъ на бухарскомъ берегу и объяснилъ это недоразумѣніе отсутствіемъ Джули-хана, своего отца, безъ разрѣшенія котораго онъ, какъ временный начальникъ, не въ правѣ былъ принять насъ. Вслѣдъ за этимъ онъ представилъ мнѣ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Сары-Джана, и объявилъ, что это довѣренное лицо, присланное изъ Мазаръ и Шерифа самимъ Люинабомъ для сопровожденія насъ въ дальнѣйшей поѣздкѣ.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣла, я объявилъ, что мы завтра 2-го ноября, отправляемся, по долинѣ р. Кокчи, въ главный городъ Бадахшана, Фейзабадъ, куда рассчитываемъ прибыть въ два дня. Мухамедъ-Ноби-Ханъ на это ничего не возразилъ, а приближенные его только переглянулись. Вообще не трудно было замѣтить, что авганцы, не смотря на ихъ официальную вѣжливость, относились къ намъ крайне недовѣрчиво и весьма тщательно старались изолировать насъ отъ туземнаго таджикскаго и узбекскаго населенія. Днемъ и ночью наше лагерное расположеніе строго охранялось цѣпью авганскихъ часовыхъ, такъ что ни одинъ туземецъ не смѣлъ приблизиться къ намъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. На предложеніе мое снять лишніе часовыхъ, авганскіе начальники постоянно возражали, что они должны отвѣчать за нашу безопасность и что здѣсь народъ дикій, ненавидитъ иностранцевъ и легко можетъ застрѣлить кого нибудь изъ насъ изъ угла. Все это, конечно, было только выдумкою со стороны авганцевъ, которые вѣроятно, смотрѣли на насъ какъ на агитаторовъ къ возмущенію населенія противъ эмира Ширъ-Али, въ пользу Абдерахманъ-хана, пользующагося въ народѣ огромною популярностью. Это мое предположеніе подтвердилось въ тотъ же вечеръ, когда одному изъ моихъ переводчиковъ удалось подслушать разговоръ авганцевъ о выборѣ дороги для нашей поѣздки въ Фейзабадъ. „Нужно провести этихъ проклятыхъ кафировъ по такой дорогѣ, чтобы они въ другой разъ къ намъ не показывались“. Вотъ подлинныя слова слышанныя случайно моимъ переводчикомъ изъ устъ начальника нажего новаго конвоя.

Желая поставить насъ въ болѣе опредѣленное положеніе къ авганцамъ, я, предъ самымъ нашимъ выступленіемъ изъ Рустака, 3-го ноября, призвалъ къ себѣ Сары-Джана, довѣреннаго Люинаба, назначеннаго для сопутствованія намъ въ поѣздкѣ по авганскимъ владѣніямъ, и объявилъ ему, что мы должны проѣхать черезъ Бадахшанъ по возможности скорѣе, такъ какъ цѣль нашей поѣздки заключается не въ осмотрѣ авганскихъ владѣній, которыя намъ и безъ этого хорошо извѣстны, а въ изслѣдованіи горныхъ переваловъ, ведущихъ въ Кафиристанъ черезъ Индо-Кушъ, что можно сдѣлать только до наступленія зимы; при этомъ я объяснилъ ему, по картѣ, границы всѣхъ среднеазиатскихъ владѣній и указалъ дорогу, по которой мы желаемъ идти въ Фейзабадъ, а именно: вверхъ по долинѣ р. Кокчи и далѣе черезъ эту рѣчку на селеніе Аргу. Сары-Джанъ на мгновеніе смутился, но вслѣдъ за тѣмъ объявилъ, что мостъ, ведущій черезъ Кокчу, сломанъ и что на этой чрезвычайно глубокой и быстрой рѣкѣ нѣтъ бродовъ, но что онъ поведетъ насъ въ Фейзабадъ по самой лучшей изъ существующихъ въ Бадахшанѣ дорогъ. Вслѣдъ за этимъ, мы въ сопровожденіи 30 авганскихъ всадниковъ, выступили изъ Рустака въ сѣверо-восточномъ направленіи и прошли первые 24 версты, до селенія Даштакъ, по весьма удобной дорогѣ, пролегающей долиною незначительнаго горнаго потока. Въ 14 верстахъ отъ Рустака дорога развѣтвлялась, при чемъ правая вѣтвь очевидно вела въ долину Кокчи и далѣе къ Фейзабаду, такъ какъ она имѣла юго-восточное направленіе; но Сары-Джанъ объявилъ, что дорога эта не ведетъ къ Фейзабаду и когда я сказалъ ему, что Фейзабадъ лежитъ на востокъ онъ насъ, а мы идемъ на сѣверо-востокъ, онъ объявилъ, что ему приказано вести насъ именно по сѣверной дорогѣ и затѣмъ прибавилъ: „если вамъ такъ хорошо извѣстна одна дорога въ Фейзабадъ, то для васъ же будетъ лучше увидѣть еще другую“. Не желая показывать полнаго недовѣрія къ довѣренному лицу Люинаба, я объявилъ ему, что онъ вести насъ можетъ по какой ему угодно дорогѣ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы прибыли въ Фейзабадъ какъ можно скорѣе. Отъ Даштака, какъ показано на приложенной къ отчету маршрутной съемкѣ, дорога

или, вѣрнѣе сказать, едва замѣтная тропинка, была чрезвычайно извилиста и вела отъ одной горной вершины къ другой. Видя, что я уже слишкомъ часто беру направленіе бусолью, Сары-Джанъ и товарищъ его, начальникъ конвоя, были очень заинтересованы моею работою и непремѣнно желали знать къ чему это дѣлается. Чтобы избѣжать всякое подозрѣніе въ составленіи маршрута, я показалъ имъ бусоль Шмалькальдера и объяснилъ, что инструментъ этотъ служитъ для опредѣленія высотъ, и что я очень доволенъ нашей дорогой, ведущей отъ одной вершины къ другой, такъ какъ это даетъ мнѣ возможность сравнивать высоту Бадахшанскихъ горъ съ высотой нашихъ Туркестанскихъ. Этимъ отвѣтомъ любознательность ихъ была вполне удовлетворена и они болѣе меня не беспокоили.

На пятый день нашего странствованія по весьма гористой и слабо населенной мѣстности, а именно: 7-го ноября, мы наконецъ увидѣли, въ глубокой и тѣсной долинѣ р. Кокчи, Фейзабадъ, столицу Бадахшана. Городъ этотъ расположенъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ. Стѣсненный съ двухъ сторонъ высокими, почти обрывистыми, горами и имѣя въ ширину не болѣе полуверсты, Фейзабадъ тянется по берегамъ быстрой и глубокой, хотя и весьма неширокой рѣки Кокчи, по крайней мѣрѣ семь верстъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи, при чемъ правильное сообщеніе одного берега съ другимъ представляетъ только одинъ, находящійся въ срединѣ города, деревянный мостъ.

На слѣдующій день, 8-го ноября, мы посѣтили Бадахшанскаго хана Биршта-саида. Приемъ былъ довольно почетный: передъ дворцомъ на берегу свѣтлой ¹⁾ Кокчи выстроены были, въ полной парадной формѣ, войска и мы были встрѣчены съ барабаннымъ боемъ и музыкой, во дворцѣ собраны были всѣ старшіе начальники. Самъ Бирштъ-Саидъ принялъ насъ весьма любезно, хотя и казался сильно опечаленнымъ ²⁾. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій завязался разговоръ о цѣли нашей поѣздки и ханъ очень удивился, узнавъ, что мы намѣрены про-

¹⁾ Кокча или Кокъ-су по таджикски свѣтлая вода.

²⁾ Наканунѣ нашего приѣзда въ Фейзабадъ умерла единственная двѣнадцати лѣтняя дочь.

браться въ Кафиристанъ. Онъ говорилъ, что изъ Бадахшана въ это время года нѣтъ никакихъ дорогъ черезъ Индо-Кушъ и что въ южную Читраль можно пройти только лѣтомъ и то не иначе какъ пѣшкомъ, по чрезвычайно затруднительнымъ горнымъ тропинкамъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Читральская страна, лежащая къ сѣверу отъ Индо-Куша и главнымъ городомъ коей считается Ишкашмъ, номинально подчинена Авганистану; но что южная Читраль, лежащая за Индо-Кушемъ и населенная кафирами сіягнушами, для авганцевъ совершенно недоступна, какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и въ особенности по свирѣпости ея жителей, которые никого изъ иноземцевъ въ свою страну не пускаютъ. При этомъ онъ показалъ намъ 15 человекъ настоящихъ кафировъ сіягнушей, прибѣжавшихъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ въ Бадахшанъ съ Индо-Куша, укрываясь отъ преслѣдованія своихъ соплеменниковъ, ведущихъ между собою постоянную войну. Люди эти были дѣйствительно на видъ совершенно дики, съ длинными, распущенными ниже плечъ, волосами, но типъ ихъ былъ чисто кавказскій, хотя они своею наружностью скорѣе напоминали американскихъ индѣйцевъ, чѣмъ европейцевъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось поговорить съ ними, такъ какъ въ Бадахшанѣ никто не понималъ ихъ языка. Изъ оружія кафировъ намъ показали только широкія обоюдоострыя кинжалы, съ желѣзными рукоятками весьма грубой отдѣлки. Когда я заявилъ, что намъ желательно взять одного изъ кафировъ сіягнушей съ собою въ Ташкентъ, ханъ отвѣтилъ, что всѣ они уже приняли мусульманство и потому онъ, безъ разрѣшенія Тахтапульскаго хана Люинаба-саиба, не можетъ исполнить мою просьбу; даже на уступку намъ одного экземпляра кафирскаго оружія ханъ не согласился. Впослѣдствіи, въ Мазаръ-Шерифѣ, я повторилъ свое заявленіе Люинабу, но этотъ также выразилъ, что онъ не можетъ выдать намъ сіягнуша безъ разрѣшенія самаго эмира Ширъ-Али.

Не смотря на почетный пріемъ, оказанный намъ въ Фейзабадѣ, авганцы смотрѣли на насъ и здѣсь съ прежнимъ недоверіемъ и всячески старались отклонить насъ отъ дальнѣйшей поѣздки. На сдѣланное мною нашему проводнику Сары-Джану

предложеніе ѣхать со мною въ Зебакъ, онъ отвѣтилъ, что до Мубарака ¹⁾ онъ готовъ меня проводить, но что дальше идти не возможно и затѣмъ прибавилъ: „если вы ѣдете туда только затѣмъ, чтобы видѣть наши дороги и селенія, то поѣздка ваша будетъ бесполезна, такъ какъ все покрыто снѣгомъ. Къ переваламъ же Индо-Куша зимою пробраться нельзя“.

Между тѣмъ зима дѣйствительно приближалась и въ предъидущіе дни мы уже неоднократно встрѣчали снѣгъ и ледъ на перевалахъ, высотой не болѣе 8 тысячъ футовъ, а термометръ постепенно опускался и въ началѣ ноября показывалъ даже днемъ,—5° Реомюра.

Находя бесполезнымъ тратить время на поѣздку по занесеннымъ снѣгомъ горамъ и зная, что даже при самыхъ благопріятныхъ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, намъ нельзя будетъ ѣхать въ Кабуль черезъ Кафиристанъ, такъ какъ англичане уже открыли военныя дѣйствія противъ авганцевъ въ долинѣ р. Кабула, о чемъ было извѣстно и въ Бадахшанѣ, я рѣшился возвратиться въ Ташкентъ, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Аму-Дарьи, по возможности до Келифа.

Выступивъ изъ Фейзабада, 10-го ноября, мы прошли по довольно хорошей дорогѣ, совершенно доступной для арбъ, черазъ селенія: Аргу, Рахимъ, Мешедъ, Талаханъ, къ Ханабду и 13-го ноября прибыли въ г. Кундузъ. Здѣсь мы остановились на три дня для необходимыхъ работъ и затѣмъ сдѣлали, 17-го ноября, въ одинъ переходъ, по безводной и неплодной степи 108 верстъ отъ Кундуза до развалинъ Янгарыка, а на другой день 18-го ноября, выступили въ Ташъ-курганъ и остановились въ прекрасномъ лѣтнемъ дворцѣ эмира Ширъ-Али. На другой день, 19-го ноября, здѣсь разыгралась небольшая комедія, едва не окончившаяся формальнымъ столкновеніемъ между нами и авганцами. До этого времени г. Шварцъ производилъ астрономическія и магнитныя наблюденія довольно безпрепятственно, хотя его работамъ постоянно мѣшала назойливая любознательность авганцевъ. 19-го ноября, утромъ, онъ по обыкновенію

¹⁾ Селеніе Мубаракъ лежитъ въ 30 верстахъ отъ Фейзабада вверхъ по р. Каокъ.

расположился съ инструментами для наблюденія, выбравъ для этого удобное мѣсто въ обширномъ дворцовомъ паркѣ. Но едва онъ приступилъ къ работѣ, какъ къ нему подошелъ одинъ изъ авганскихъ часовыхъ, съ обнаженною шашкою, и довольно грубо объявилъ ему, что бы онъ убралъ свои инструменты и самъ ушелъ бы изъ парка. Полагая, что входъ въ паркъ эмира дѣйствительно запрещенъ, г. Шварцъ собралъ инструменты и, пользуясь открытыми высокими окнами дворца, расположился для наблюденія солнца въ одной изъ отведенныхъ намъ комнатъ: но тутъ явился къ нему самъ начальникъ авганскаго караула и объявилъ, что мѣстный ханъ запретилъ дѣлать намъ какія бы то ни было наблюденія, даже изъ комнатъ. Видя, что подозрительность авганцевъ выходитъ уже изъ границъ приличія, я потребовалъ къ себѣ Сары-Джана и объявилъ ему, что мы немедленно уѣзжаемъ изъ Ташъ-Кургана въ Мазаръ и Шерифъ и будемъ жаловаться на сдѣланныя намъ притѣсненія самому Тахтапульскому хану Люинабу. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ своему конвою быть готовымъ къ выступленію. Замѣтивъ, что мы дѣйствительно уѣзжаемъ, Сары-Джанъ тотчасъ отправился къ хану и, пробывъ тамъ лишь нѣсколько минутъ, возвратился и объяснилъ, что все произошло по недоразумѣнію караула, что самъ ханъ совсѣмъ не запрещалъ дѣлать какія намъ угодно наблюденія, но проситъ насъ только не показываться въ паркѣ, такъ какъ туземцы ненавидятъ иностранцевъ и легко могутъ застрѣлить когонибудь изъ насъ изъ за угла и т. п. Все это мы уже слышали уже прежде и хорошо знали, что авганцы охраняютъ насъ такъ строго совсѣмъ не для нашей личной безопасности, но тѣмъ не менѣе мы остались въ Ташъ-курганѣ до слѣдующаго утра и г. Шварцъ опредѣлилъ, довольно удачно, географическое положеніе города, посредствомъ наблюденія высотъ солнца изъ оконъ дворца эмира Ширъ-Али. Магнитныхъ же наблюденій въ Ташъ-Курганѣ произвести не удалось.

Оставивъ 20 ноября Ташъ-Курганъ, мы въ тотъ же день прибыли въ Мазаръ и Шерифъ и расположились въ обширномъ и весьма хорошо устроенномъ помѣщеніи. На слѣдующее утро мы посѣтили Тахтапульскаго хана Люинаба. Передъ дворцемъ

его была выстроена въ парадной формѣ одна гвардейская рота, которая отдала намъ честь, но начальствующихъ лицъ не было видно и Люинабъ одинъ встрѣтилъ насъ по срединѣ залы. Это самое вліятельное лицо въ сѣверномъ Авганистанѣ, человекъ молодой, съ манерами и наружностью европейца. Онъ былъ весьма доволенъ нашимъ возвращеніемъ изъ Бадахшана и сказалъ, что въ Кафиристанъ не мыслимо идти зимою и что, по его мнѣнію, ни русскіе, ни англичане не могутъ проикнуть черезъ эту страну. Не смотря на замѣчательную его сдержанность, не трудно было видѣть, что онъ не менѣе своихъ соотечественниковъ сомнѣвается въ искренности нашей дружбы; замѣтивъ, между прочимъ, что знакомство русскихъ съ авганцами еще новое и неопредѣленное, онъ прибавилъ, что въ Кабулѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія генерала Столѣтова и удивляются его продолжительному отсутствію; объ открытіи же англичанами военныхъ дѣйствій противъ авганцевъ, онъ не говорилъ ни слова. Аудіенція продолжалась не болѣе получаса и мы расстались съ Люинабомъ при взаимномъ увѣреніи другъ друга въ чувствахъ дружбы. Вечеромъ 21-го ноября Мазаръ и Шерифъ огласился салютомъ изъ 101 пушечнаго выстрѣла, по случаю открытія праздника Байрама, но мы не были приглашены на этотъ праздникъ, такъ какъ нами уже заранѣе было объявлено, что мы выступаемъ рано утромъ 22-го ноября, т. е. въ день праздника. Люинабъ насъ не задерживалъ, а только просилъ отложить нашъ отъѣздъ до 12 часовъ дня, чтобы дать возможность конвою, назначенному для сопровожденія насъ до Аму-Дарьи, приготовиться въ дорогу. Въ назначенное время мы дѣйствительно оставили Мазаръ и Шерифъ и зная, что у Келифа нѣтъ средствъ для переправы, направились ровной степной дорогой, кратчайшимъ путемъ, къ Аму-Дарьѣ съ тѣмъ, чтобы переправиться у Патта-кисара. Прибывъ вечеромъ 23-го ноября къ берегу и простоявъ тутъ шесть часовъ, въ ожиданіи каюковъ, которые находились на противоположной сторонѣ, мы переправились уже поздно ночью черезъ Аму-Дарью, при полномъ лунномъ свѣтѣ.

Только здѣсь на бухарскомъ берегу мы вздохнули свободнѣе. Постоянная опека надъ нами авганцевъ и зоркое ихъ выслѣжи-

ваніе каждого нашего глаза было для насъ невыносимо. Взаимныя наши отношенія, впродолженіи цѣлаго мѣсяца, могли быть названы скорѣе враждебными, чѣмъ дружественными.

Отъ Патта-Кисара мы направились ровною степною дорогою, къ г. Ширъ-Абаду, затѣмъ прошли 50 верстъ, долиною Ширъ-Абадъ-дарьи, вьючною дорогою, совершенно впрочемъ доступною для арбъ до Сайраба. Отсюда мы направились черезъ Шуръ-абское ущелье къ желѣзнымъ воротамъ, оставивъ Дербентъ въ 7 верстахъ къ востоку. Эти два ущелья, и въ особенности спуски къ нимъ, требуютъ капитальной разработки для арбянаго движенія.

Ознакомившись еще въ нашъ передній путь съ дорогою, ведущею отъ желѣзныхъ воротъ черезъ Каракавалъ, Кальтаминоръ, Яръ-тюбе, Шааръ, Китабъ и перевалъ Тохта-Карача къ Самарканду, и зная, что дорога эта мѣстами совершенно недоступна для колеснаго обоза, я счелъ необходимымъ изслѣдовать еще дорогу, ведущую отъ желѣзныхъ воротъ черезъ Чашма-Хафизанъ къ Гузару, при чемъ оказалось, что за исключеніемъ ущелья, находящагося въ 10 верстахъ къ западу отъ Чашмы-Хафизана и требующаго нѣкоторой разработки, дорога эта, на всемъ своемъ протяженіи, совершенно доступна для арбъ, а далѣе отъ Гузара въ Самаркандъ, существуетъ, какъ извѣстно, арбяная дорога черезъ Чиракчи и Джамъ. Изъ Гузара мы прошли хорошою степною дорогою въ Яръ-Тюбе и прибыли, 8-го декабря, въ Шааръ. Здѣсь мы снова представились Бухарскому эмиру, который принялъ насъ весьма ласково и былъ, казалось доволенъ нашимъ возвращеніемъ. Распростившись съ эмиромъ, мы выступили изъ Шаара 11-го декабря и, слѣдуя знакомою уже намъ дорогою черезъ перевалъ Тохта-Карача, прибыли 12-го декабря обратно въ Самаркандъ.

Послѣ этого общаго очерка нашей поѣздки, мы переходимъ къ группировкѣ географическихъ и другихъ данныхъ, собранныхъ нами въ пути.

Оро-гидрографическій обзоръ восточной Бухары, Бадахшана и сѣвернаго Авганистана.

Тянь-шаньскій хребетъ, удаляясь на западъ отъ высокаго Каратегинскаго Памира, увѣнчаннаго Зеравшанскимъ ледникомъ.

раздѣляется на двѣ вѣтви: одна изъ нихъ, называемая со времени Искандеръ-кульской экспедиціи 1870 года, Тургестанскимъ кряжемъ, окаймляетъ Зеравшанскую долину съ сѣвера, доходитъ до Джизака и, понижаясь постепенно, теряется въ сѣверо-западномъ направленіи, подъ названіемъ Куратинскихъ горъ, въ пескахъ Кызыль-кума. Другая вѣтвь, называемая Гиссарскимъ кряжемъ, окаймляетъ Зеравшанскую долину съ юга, образуя водораздѣлъ между бассейнами р.р. Зеравшана и Аму-Дарьи. Гиссарскій кряжъ собственно и составляетъ главное продолженіе Тяньшаня и тянется болѣе 400 верстъ, отъ горнаго узла Кокъ-су и Зеравшанскаго ледника, до Джама и Гузара. Имѣя у верховьевъ Зеравшанской долины абсолютной высоты отъ 16 до 18 тысячъ футовъ, а можетъ быть болѣе, кряжъ этотъ до меридіана озера Искандеръ-Куля, возвышается далеко за линію вѣчнаго снѣга, но съ удаленіемъ на западъ, онъ постепенно понижается и исчезаетъ наконецъ совершенно въ глинисто солонцеватыхъ и песчаныхъ равнинахъ западной части Бухарскаго ханства. Сѣверные скаты Гиссарскаго кряжа, вмѣстѣ съ Зеравшанскими горами, спускаются обрывистыми террасами въ Міанкальскую долину, перерѣзаны глубокими ущельями и въ верховьяхъ Зеравшана вообще мало доступны; но къ западу отъ Пенджекента, гдѣ долина расширяется, скаты становятся отлогими и болѣе доступными.

Южные скаты кряжа имѣютъ противоположный характеръ; длинныя и почти параллельныя отрасли ихъ спускаются отлого въ широкую долину Аму-Дарьи и развѣтвляясь, наполняютъ Каратигинъ и всю восточную половину Бухарскаго ханства, перепутаннаго сѣтью песчано-глинистыхъ и известковыхъ грядъ и невысокихъ, но крутыхъ холмовъ. Отъ юго-западной оконечности кряжа, близъ Каратага, выходятъ также нѣсколько отраслей, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіями: Хазретъ-Султанъ, Ханъ-тау, Байсунъ-тау и Бури-тахта. Самая высокая изъ нихъ Байсунъ-тау, обрамляющая своими крутыми скатами окрестности г. Байсуна съ сѣвера: при нашемъ вступленіи въ Байсунъ, 8-го октября вершины ея покрыты были массаи снѣга, тогда какъ всѣ сосѣднія горы были обнажены и термометръ въ городѣ

показывалъ $+ 7 R^{\circ}$. По приблизительному нашему опредѣленію высота ея не менѣе 10-ть тысячъ футовъ.

Поименованныя четыре отрасли расходятся вѣрообразно на юго-западъ, наполняя всю мѣстность къ югу отъ Шахрисяба отлогими возвышенностями и образуя, въ 24 верстахъ къ западу отъ Байсуна, высокую горную котловину, въ срединѣ которой лежитъ г. Дербентъ.

Далѣе къ юго-западу горы эти постепенно понижаются, но волнообразные скаты ихъ доходятъ на югѣ до Ширъ-Абада, а на западѣ до Гузара, гдѣ и сливаются съ обширною глинисто солонцеватою равниною Бухарскаго ханства. Ни одна изъ боковыхъ вѣтвей Гиссарскаго кряжа не доходитъ до Аму-Дарьи и потому вся мѣстность праваго берега этой рѣки, въ бухарскихъ предѣлахъ, представляетъ совершенно степной характеръ. Только на самой восточной границѣ ханства одна горная вѣтвь подъ названіемъ Кучу-Фрушъ тянется вдоль самаго берега Аму-Дарьи, носящей уже здѣсь названіе Пянджъ и доходитъ почти до устья р. Сурхъ-аба, наполняя своими отрогами все пространство между этими двумя рѣками; но эта вѣтвь принадлежитъ уже не Гиссарскому кряжу, а высокой нагорной площади Каратегина, откуда она, вмѣстѣ съ нѣсколькими параллельными ей отраслями, спускается, въ юго-западномъ направленіи, въ бухарскіе предѣлы. 26-го октября мы пересѣкли Кучу-Фрушъ, идя изъ Куляба въ Сары-Чашма, при чемъ барометрически опредѣлили высоту его перевала, называемаго Гарабъ-Дара, въ 3,720 футовъ. Два дня спустя мы, слѣдуя на юго-западъ правымъ берегомъ Аму-Дарьи (Пянджа), снова перешли этотъ хребетъ черезъ перевалъ Пста-зангъ, который оказался 4,220 футовъ абсолютной высоты. Топографическій рельефъ этой, ранѣе еще не изслѣдованной мѣстности, показанъ на произведенной нами маршрутной съемкѣ.

Изъ вѣчныхъ снѣговъ восточной части Гиссарскаго кряжа и вообще изъ всего южнаго его склона берутъ начало множество источниковъ, которые извиваясь по лощинамъ и крутымъ ущельямъ, сливаются между собою и составляютъ горные потоки, а эти послѣдніе, соединившись въ свою очередь, образуютъ нѣсколько ручейковъ, стремительно несущихъ свои воды въ Аму-

Дарью и известным на наших картах под названиями Ширь-абадь-даря, Сурханъ, Кафирнаганъ, Вахшъ и Сурхъ-абъ. Изъ всѣхъ этихъ притоковъ Аму-Дарынского бассейна Вахшъ самый длинный и многоводный. Беря свое начало изъ высокихъ Заалайскихъ горъ и протекая за тѣмъ черезъ весь Каратегинскій памиръ, вдоль южнаго склона Тянь-шана, Вахшъ поглощаетъ справа множество горныхъ потоковъ и несется къ Аму-Дарьѣ съ стремительной быстротой.

Всѣ же остальные изъ поименованныхъ притоковъ такъ не значительны, что въ продолженіи круглаго года проходимы вбродъ вездѣ, гдѣ только ихъ берега доступны, а во время лѣтнихъ жаровъ нѣкоторые изъ нихъ почти совсѣмъ высыхаютъ. 30-го октября мы перешли Сурхъ-абъ почти передъ самымъ впадениемъ его въ Аму-Дарью, при чемъ глубина этого ручья не превышала двухъ съ половиною футовъ, а ширина 25 сажень. Единственное затрудненіе при переправѣ представлялъ только его топкій лѣвый берегъ, на которомъ и люди и лошади погружались въ илъ по уши.

Судя однако по широкимъ и наполненнымъ крупною галькою русламъ и изрытымъ берегамъ этихъ горныхъ рѣкъ, можно заключить, что онѣ не всегда бываютъ такъ маловодны, какими мы ихъ видѣли въ октябрѣ, но что въ періоды дождей и таянія снѣговъ въ горахъ, онѣ могутъ представлять серьезныя затрудненія при переправѣ вбродъ.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ рѣкъ, выйдя изъ горъ, протекаютъ по весьма широкимъ и густо населеннымъ долинамъ.

Самая замѣчательная въ этомъ отношеніи, долина Сурхана, имѣющая ширины отъ десяти до пятнадцати верстъ, а также долина Кафирнагана, шириною въ двѣ версты, по которымъ пролегаетъ караванная дорога, ведущая изъ Байсуна въ Кулябъ.

Сѣверный Авганистанъ, за исключеніемъ Бадахшана, имѣетъ вполнѣ степной характеръ. Отъ Келифа почти до Рустака тянется широкая, мѣстами песчаная, мѣстами глинисто солонцеватая равнина, обрамленная съ сѣвера Аму-Дарьей, а съ юга не высокими предгорьями Индо-Куша. На всемъ этомъ протяженіи, въ триста слишкомъ верстъ, почти ни одинъ притокъ, за

исключениемъ быстрой Бадахшанской рѣки Кокчи, не достигаетъ Аму. Проѣзжая по большой дорогѣ, ведущей изъ Бадахшана къ Балху, мы пересѣкли близъ Кундуза только одинъ ручей Акъ-Серай съ его притокомъ Ханабадомъ. Остальные же два ручья Хулмъ и Балхъ, какъ и показано на нашихъ картахъ, далеко не доходятъ до Аму-Дарьи и только едва достаточны для орошенія полей Ташъ-Кургана, Мазаръ и Шерифа и Балха и вообще для снабженія водою этихъ трехъ весьма значительныхъ городовъ.

Бадахшанъ рѣзко отличается отъ остальной части сѣвернаго Авганистана своимъ топографическимъ рельефомъ. Окаймленный съ сѣвера и востока высокимъ Памиромъ, а съ юга еще болѣе высокимъ Индо-Кушемъ, страна эта представляетъ возвышенную котловину, пересѣченную горами по всѣмъ направленіямъ. По нашимъ барометрическимъ опредѣленіямъ, даже Рустакъ лежитъ уже на высотѣ 4 тысячъ футовъ, тогда какъ абсолютная высота Кундуза и вообще всего лѣваго берега Аму-Дарьи, между Кундузомъ и Балхомъ, не многимъ превышаетъ тысячу футовъ. Слѣдуя отъ Хадженгара, имѣющаго абсолютной высоты 1020 футовъ, по дорогѣ въ Рустакъ и, переправившись черезъ Кокчу, мы встрѣтили сначала отлогій, а въ воьми верстахъ отъ берега и довольно крутой подъемъ, продолжавшійся почти до самаго Рустаба. Далѣе между Рустакомъ и Фейзабадомъ, по правому берегу Кокчи, мѣстность чрезвычайно волнистая. Цѣлый рядъ известковыхъ и глинисто песчаныхъ горъ съ куполообразными вершинами тянутся съ сѣверо-востока на юго-западъ и круто спускаются въ долину Кокчи. Абсолютная высота этихъ горъ не превышаетъ однако 8—9 тысячъ футовъ, но надъ ними съ покрытыми снѣгомъ вершинами, возвышается хребетъ Ходжа-Магомедъ.

Отдѣлившись отъ Индо-Куша въ сѣверо-западномъ направленіи хребетъ этотъ перерѣзываетъ Бадахшанъ по срединѣ, наполняя своими отраслями в.ю. страну.

Аму-Дарья, извѣстная здѣсь подъ названіемъ Пянджабая, окаймляетъ Бадахшанъ съ трехъ сторонъ. Беря свое начало изъ высокихъ памировъ и вѣчныхъ снѣговъ Индо-Куша, Пянджабай подходитъ къ Бадахшану съ востока, но встрѣтивъ близъ Ишка-

шма одну изъ отраслей Индо-Куша, имѣющую около 11 тысячъ футовъ высоты, рѣка круто поворачиваетъ на сѣверъ и, пробѣгая въ этомъ направленіи между высокими и частью отвѣсными берегами болѣе ста верстъ, направляется къ западу, сѣверо-западу до хребта Кучу-Фрушъ, гдѣ она снова дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-западу и, протекая вдоль хребта, выходитъ на равнину и несется далѣе на западъ уже подъ названіемъ Аму-Дарья. Протекая по гористой мѣстности болѣе 500 верстъ, рѣка эта принимаетъ множество горныхъ потоковъ, стремящихся къ ней съ намировъ Дарваза и съ высотъ Индо-Куша. Самый значительный изъ этихъ притоковъ, безъ сомнѣнія р. Кокча, перерѣзывающая весь Бадахшанъ съ юго-востока на сѣверо-западъ и орошающая, вмѣстѣ съ текущими въ нее мелкими ручьями, большую часть страны. Беря свое начало также съ вершины Индо-Куша и извиваясь по тѣснымъ горнымъ ущельямъ, Кокча стремительно несется черезъ столицу Бадахшана и хотя ширина ея въ Фейзабадѣ не превышаетъ пяти сажень, тѣмъ не менѣе она, по своей большой глубинѣ и быстротѣ, здѣсь не проходима въ бродъ. Далѣе же близъ устья, гдѣ быстрота и глубина ея значительно уменьшаются, а ширина увеличивается она не представляетъ никакихъ затрудненій при переправѣ, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться, перейдя черезъ нее вбродъ, 1-го ноября, близъ Ходжангара, въ 7-ми верстахъ отъ впаденія ея въ Аму-Дарью.

Климатъ, естественная производительность страны, и промышленность.

Восточная часть Бухарскаго ханства, благодаря своему возвышенному положенію (около 1200 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря) и близкому сосѣдству съ высокими снѣговыми хребтами, имѣетъ климатъ весьма умѣренный. Дожди начинаются здѣсь обыкновенно въ октябрѣ, первые морозы въ концѣ ноября, а въ декабрѣ уже выпадаетъ снѣгъ, который держится до начала февраля. Зимой морозы достигаютъ до 18° R, при чемъ пруды и арыки, а иногда и самая Аму-Дарья покрываются льдомъ недѣли на три. Въ февралѣ уже наступаетъ весна съ дождями и къ концу марта деревья начинаютъ распускаться, но утренніе морозы продол-

*

жаются еще до конца апрѣля. Въ маѣ начинаются жары, которые лѣтомъ становятся нестерпимыми, въ особенности въ степной равнинѣ Аму-Дарьи. Эта общая характеристика климата восточной части Бухарскаго ханства не подтвердилась однако въ нынѣшнюю зиму; проѣзжая позднею осенью отъ Шахризюба до Куляба и отъ Ширъ-Абада до Кара-Тюбе, мы пользовались самою благопріятною погодою: ни дождей, ни снѣгу не было и даже въ декабрѣ средняя температура дня не падала ниже $+ 5^{\circ}$ R, хотя иногда по утрамъ, передъ разсвѣтомъ пруды и арки и покрывались тонкимъ слоемъ льда.

На южныхъ склонахъ Гиссарскаго края климатъ вообще благопріятенъ для здоровья, но въ низменной долинѣ Аму-Дарьи часто господствуютъ злокачественныя лихорадки, отъ которыхъ страдаютъ въ особенности жители Ширъ-абада, Кабадіана и Куляба.

Сѣверный Авганистанъ отличается зимою умѣреннымъ, а лѣтомъ знойнымъ климатомъ. Въ мѣстахъ низменныхъ, обильныхъ водою и зеленью, какъ на примѣръ въ Кундузѣ и его окрестностяхъ, изнурительныя лихорадки господствуютъ почти круглый годъ. Болѣе благопріятнымъ для здоровья климатомъ пользуются Балхъ и Мазаръ-и-Шерифъ, что объясняется близостью горъ. Сухостью воздуха и сравнительно высокою мѣстностью. По нашимъ барометрическимъ опредѣленіямъ абсолютная высота Кундуза равняется 1060 ¹⁾ футамъ, Ташъ-Кургана 1180 футамъ, а Мазаръ и Шерифа 1200 футамъ. Это хотя и незначительное, но постепенное возвышеніе мѣстности къ западу отъ Кундуза, можетъ казаться съ перваго взгляда весьма страннымъ, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ общимъ паденіемъ долины Аму-Дарьи отъ востока къ западу. Но разсматривая высоты, опредѣленныя нами на самыхъ берегахъ Аму-Дарьи, мы видимъ, что переправа Кунда-Гузаръ, лежащая на одномъ меридіанѣ съ г. Кундузомъ, имѣетъ 1020 футовъ, а переправа Патта Кисаръ, на меридіанѣ Мазаръ и Шерифа, только 790 футовъ абсолютной высоты. Слѣ-

¹⁾ По мнѣнію Лорда, Кундузъ лежитъ только на 500 футовъ надъ поверхностью океана.

Землеѣдініе Риттера, перев. Григорьева, стр. 541.

довательно, Кундузъ лежитъ почти на одномъ уровнѣ съ Аму-Дарьей; тогда какъ Мазаръ и Шерифъ возвышается надъ руломъ этой рѣки болѣе чѣмъ на 1100 футовъ. Этимъ и объясняется преимущество климата Мазаръ и Шерифа и Балка передъ вреднымъ для здоровья климатомъ Кундуза.

Бадахшанъ пользуется умѣреннымъ и здоровымъ, горнымъ, климатомъ. Лѣтній зной никогда не бываетъ здѣсь такъ силенъ, какъ въ открытой долинѣ Аму-Дарьи, а морозы не многимъ превышаютъ зимнюю температуру остальной части сѣвернаго Авганистана и рѣдко доходятъ до 20° R. Во время нашего путешествія по Бадахшану, въ половинѣ ноября, термометръ, даже по ночамъ, рѣдко опускался ниже—5° R.

Восточная часть Бухарскаго ханства весьма бѣдна естественною растительностью. Лѣса встрѣчаются только въ возвышенныхъ ущельяхъ южнаго склона Гиссарскаго края, а ниже, въ долинѣ Аму-Дарьи, деревья растутъ лишь при помощи искусственнаго орошенія. Въ апрѣлѣ горы покрываются зеленью, а въ маѣ трава уже блекнетъ и выгораетъ: знойное лѣто, безъ дождей, убиваетъ здѣсь флору при самомъ ея зародыщѣ. Но не смотря на это, садоводство и огородничество весьма развиты въ краѣ и при тщательномъ орошеніи почвы, посредствомъ арыковъ, эти отрасли сельскаго хозяйства процвѣтаютъ. Фрукты и овощи растутъ здѣсь въ изобиліи и служатъ важнымъ подспорьемъ къ пропитанію населенія: виноградъ, яблоки, груши, персики, вишни, сливы, орѣхи, миндаль, гранаты, арбузы и дыни не считаются лакомствомъ и встрѣчаются повсюду почти круглый годъ. Въ каждомъ селеніи по берегамъ арыковъ, растутъ простыя лиственные деревья: тополь, таль, джида, карачачъ и проч.

Изъ хлѣбныхъ растений жители успѣшно разводятъ: пшеницу, рисъ, ячмень, просо и джугару. По недостатку луговыхъ травъ разводится также и клеверъ, въ огромномъ количествѣ. Но самая главная отрасль сельской промышленности заключается въ воздѣлываніи хлопка какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза и потому значительная часть обработанной земли занята хлопковыми плантаціями.

Наибольшее развитіе культуры замѣчается въ окрестностях Китаба и Шаара, въ долинахъ Сурхана и Кафирнагена и наконецъ на берегахъ р. Сурхъ-аба, близъ Куляба.

Въ сѣверномъ Авганистанѣ естественной растительности почти не существуетъ и вся органическая жизнь сосредоточена здѣсь только въ Балхѣ, Мазарѣ и Шерифѣ, Ташкурганѣ и Кундузѣ, составляющіе искусственные оазисы, разведенные и поддерживаемые трудами населенія.

Остальное пространство между лѣвымъ берегомъ Аму-Дарьи и предгоріями Индо-Куша, начиная отъ Балха до самаго Бадахшана, представляетъ мертвую пустыню, покрытую мѣстами развалинами прежде существовавшихъ здѣсь городовъ, изъ этихъ памятниковъ минувшей жизни въ особенности замѣчательны по своимъ огромнымъ размѣрамъ развалины Хулума въ 7 верстахъ къ сѣверу-западу отъ Ташкургана, развалины Янчи арыка (въ 18 верстахъ къ востоку отъ Ташкургана) и развалины Сіагырта (въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Мазарѣ и Шерифа, по дорогѣ къ Патта-Кисарѣ). По распросамъ оказалось, что всѣ эти города были населены не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, узбеками и таджиками, но что со времени водворенія авганцевъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, они постепенно опустѣли и обратились въ развалины. Даже въ Ташкурганѣ, въ которомъ по словамъ туземцевъ, еще недавно было 12 тысячъ дворовъ, считается теперь не болѣе 4 тысячъ жилыхъ помѣщеній. Вотъ результаты двадцати пяти лѣтняго господства авганцевъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи.

Единственная растительность, встрѣчаемая какъ на бухарскомъ такъ и на авганскомъ берегахъ Аму-Дарьи, это высокіе камыши, служащіе прибрежному населенію и топливомъ и матеріаломъ для постройки жилищъ.

Но не смотря на вѣчно пустынный характеръ всей долины Аму-Дарьи, въ ближайшихъ окрестностяхъ поименованныхъ нами выше городовъ, благодаря тщательному искусственному орошенію полей и пашень растутъ въ изобиліи: пшеница, ячмень, просо, джугара, а также овощи и фрукты. Въ особенности славятся плодородіемъ Балхъ и Мазарѣ и Шерифѣ, имѣющіе обширную систему орошенія и снабжающіе хлѣбомъ даже сосѣднія провин-

ции. Травы и клеверу, жители однако совсѣмъ не разводятъ и лошади ихъ питаются исключительно ячменемъ и сѣченной соломой.

Бадахшанъ также не богатъ древесною растительностью и лѣса встрѣчаются только близъ снѣговой линіи, на высокихъ скатахъ Индо-Куша, но хлѣбъ растетъ здѣсь въ изобиліи даже безъ искусственнаго орошенія. Проѣзжая по этой странѣ, мы часто видѣли пашни на высокихъ горныхъ скатахъ и даже на самыхъ вершинахъ, гдѣ искусственное орошеніе немислимо. Въ ущельяхъ, по берегамъ горныхъ потоковъ, зеленѣютъ группы чинара, тополя, арчи и широколиственнаго клена; фруктовые же сады встрѣчаются рѣдко и состоятъ преимущественно изъ орѣшника, яблони и грушевыхъ деревьевъ. Самая культурная и обработанная часть страны лежитъ, вѣроятно, въ долинѣ р. Кокчи, между Рустакомъ и Фейзабадомъ, хотя, къ сожалѣнію намъ не удалось видѣть этой долины, исключая самой незначительной ея части близъ Фейзабада. Но тутъ она такъ стѣснена горами, что вся ея культура, по необходимости, ограничивается только узкою лентою садовъ, извивающейся по крутымъ берегамъ р. Кокчи.

На пути отъ Фейзабада въ Кундузъ мы встрѣтили нѣсколько большихъ селеній Аргу, Рахимъ, Тешканъ и Мешедъ, но особенно роскошной растительности или обширныхъ воздѣланныхъ полей, близъ этихъ селеній мы не видѣли. Болѣе оживленный видъ имѣетъ широкая долина Талахана, которая весьма густо населена, отлично обработана и производитъ въ изобиліи фрукты, плоды и всѣ хлѣбныя растенія въ особенности пшеницу, ячмень и рисъ. Абсолютная высота Талахана, какъ видно изъ нашей маршрутной съемки, 2420 футовъ. Изъ ближайшихъ окрестностей Кундуза замѣчательны еще въ культурномъ отношеніи, долина Ханабада, лежащая въ 20 верстахъ къ востоку отъ города. Здѣсь почва также хорошо обработана и даетъ обильные урожаи.

Самая главная отрасль сельскаго хозяйства, какъ въ восточной Бухарѣ, такъ и сѣверномъ Авганистанѣ, заключается въ скотоводствѣ, которое и находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Бухарскія лошади въ особенности въ бекствахъ Шахриязбскомъ, Гиссарскомъ и Кулябскомъ, отличаются необыкновенною

силою и выносливостью, а авганскія красотою и легкостью. Первыя изъ нихъ принадлежатъ къ киргизской породѣ, а вторыя къ туркменской. Верблюды въ бухарскихъ и авганскихъ предѣлахъ, преимущественно одnogорбые замѣчательны большою силою и огромнымъ ростомъ и не изуродованы, какъ наши киргизскіе верблюды, палочками продѣтыми сквозъ ноздри, а имѣютъ одни только недоуздки, украшенные разноцвѣтными шерстяными кистями и мѣдными колокольчиками.

Изъ вьючныхъ животныхъ самое распространенное, въ особенности въ гористыхъ частяхъ описываемой мѣстности, ишакъ. При перевозкѣ тяжестей по горамъ восточной Бухары и Бадахшана. это животное незамѣнимо.

Вообще перевозка тяжестей, какъ въ восточной Бухарѣ, такъ и въ сѣверномъ Авганистанѣ и Бадахшанѣ, производится исключительно вьючнымъ способомъ и не смотря на полную возможность колеснаго сообщенія, мѣстами, какъ на примѣръ, по долину Сурхана, а въ особенности по обоимъ берегамъ Аму-Дарьи, арбы совсѣмъ не въ употребленіи. Во время всей нашей поѣздки, мы видѣли арбы, только въ Китабѣ и Гузарѣ.

Рогатый скотъ въ посѣщенныхъ нами странахъ малорослый и употребляется почти исключительно для полевыхъ работъ. О разведеніи его жители мало заботятся, такъ какъ мясо его они совсѣмъ не употребляютъ въ пищу. Зато овцеводство какъ и въ Бухарѣ, такъ и въ Авганистанѣ стоитъ на первомъ планѣ и баранина служитъ главнымъ продовольственнымъ средствомъ для всего населенія; въ восточной Бухарѣ и Бадахшанѣ огромныя стада барановъ, не рѣдко въ нѣсколько тысячъ головъ, пасутся круглый годъ въ горахъ, составляя не только средство къ пропитанію населенія, но и предметъ его внутренней и внѣшней торговли.

Здѣсь кстати мы можемъ привести существующія въ данное время цѣны на продовольственные запасы въ восточной части Бухарскаго ханства: батманъ ¹⁾ пшеницы 2 руб., батманъ ячменя 1 руб. 60 коп., батманъ рису 7 руб., батманъ пшеничной муки 2 руб. 80 коп., сотня сноповъ клевера 2 руб., пудъ мяса 1 руб. 40 коп., пудъ масла коровьяго 4 руб., баранъ годо-

¹⁾ Батманъ равняется 8 пудамъ.

валыи 1 руб. 60 коп. ¹⁾ и т. д. Въ Бадахшанѣ цѣны эти одинаковы съ приведенными, а въ сѣверномъ Авганистанѣ не многимъ выше.

Мануфактурная промышленность въ восточной Бухарѣ весьма мало развита и мѣстные издѣлія состоятъ только изъ предметовъ первой необходимости, какъ напимѣръ сѣдель и конской сбруи; изъ этихъ издѣлій заслуживаютъ еще вниманія пашки и ножи каратагскія. Видѣнные нами въ г. Каратагѣ сабельные клинки имѣли превосходную отдѣлку и по своимъ качествамъ не уступали клинкамъ дамасскимъ; кривизна и центръ тяжести ихъ расчитаны вѣрно, но вообще они слишкомъ массивны и тяжелы. Цѣна каратагской пашки отъ 100 до 200 кокановъ, т. е. отъ 20—40 руб. а цѣна ножа отъ 10 до 50 кокановъ т. е. 2—10 руб.

Въ сѣверномъ Авганистанѣ и въ Бадахшанѣ мѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій встрѣчается также весьма мало и состоятъ они преимущественно изъ грубыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей и разныхъ кожаныхъ издѣлій, какъ то: конской сбруи, обуви, поясовъ, сумокъ и пр. Въ Бадахшанѣ выдѣлываются весьма хорошо длинныя, разноцвѣтные шерстяныя чулки, употребляемые туземцами въ холодное время года. Остальныя мануфактурныя произведенія доставляются черезъ Кабуль изъ Индіи, и вообще англійскія издѣлія наполняютъ здѣсь всѣ базары. По словамъ авганцевъ, англійскіе купцы лично въ Кабуль не бывають, уже съ 1842 г., и всѣ товары привозятся самими авганцами изъ Пешавера.

Горный промышленности въ восточной Бухарѣ почти не существуетъ, хотя южный склонъ Гиссарскаго вряжа въ особенности близъ Шахриязба, и богатъ желѣзомъ, свинцомъ и каменнымъ углемъ. Единственный предметъ, добываемый жителями въ горахъ, это каменная соль, попадающаяся въ изобиліи во многихъ мѣстахъ ханства и въ особенности въ окрестностяхъ Ширъ-абада и Дербента.

Къ востоку отъ Байсуна, по дорогѣ между селеніями Сары-Камышъ и Миръ-Шады, горы состоятъ изъ конгломератовъ и красивыхъ разноцвѣтныхъ пластовъ известняка, между которыми попадается и мраморъ. Горы эти изобилуютъ также асфальтомъ, нефтью и другими, неизслѣдованными, минеральными богатствами.

¹⁾ Считаая по пяти бухарскихъ кокановъ въ рубль.

Одинъ изъ свободныхъ промысловъ, могущій современемъ имѣть весьма важное значеніе для всего Бухарскаго ханства, это добываніе золота, практикуемое довольно успѣшно туземнымъ населеніемъ.

Подъѣзжая 18 октября къ селенію Дуртъ-каулу, мы видѣли нѣсколько группъ рабочихъ, занимавшихся промывкою золотоноснаго песка на берегу Вахша, а нѣсколько дней спустя замѣтили еще новыя группы бухарскихъ золотопромышленниковъ на берегу Аму-Дарьи, близъ селенія Багоракъ. Способъ промывки весьма простъ и заключается въ слѣдующемъ: группа рабочихъ, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, устроивъ на берегу земляной скать, шириною въ 4 фута, высотой до 3 футъ, съ заложеніемъ около девяти футовъ, покрываютъ его овчинами, шерстью вверхъ и надъ первою овчиною ставятъ рѣшетку, сплетенную изъ ивовыхъ прутьевъ. Окончивъ эту предварительную работу, двое изъ рабочихъ, по очереди, бросаютъ лопатой или кетменемъ песокъ на рѣшетку, а третій поливаетъ этотъ песокъ водой посредствомъ черпака. При этомъ галька и крупный песокъ остаются на рѣшеткѣ, а иль и мелкій песокъ проходятъ сквозь рѣшетки и падаютъ на первую овчину, откуда затѣмъ постепенно сносятся водою на слѣдующія овчины; причемъ золотыя крупинки остаются въ шерсти. Четвертый рабочій постоянно сбрасываетъ накопившуюся на рѣшеткѣ гальку и крупный песокъ. По окончаніи работы, овчины высушиваются и оставшіяся на нихъ иль съ золотыми крупинками высыпается на столъ, послѣ чего золото отдѣляется отъ ила посредствомъ ртути.

Не смотря на этотъ первобытный, язоновскій, способъ добыванія золота, промыселъ этотъ оказывается однако довольно выгоднымъ, такъ какъ каждый рабочій выручаетъ въ день отъ 4 до 6 кокановъ.

Аму-Дарьинское золото продается въ Кулябѣ, Богоракѣ и въ Саядѣ по 18—20 кокановъ, т. е. по 3 руб. 60 коп.—4 руб. за золотникъ.

Бухарское правительство не вмѣшивается въ дѣла золотопромышленниковъ и работы по добыванію золота производятся только благодаря частной инициативѣ. Обыкновенно дѣло ведется

такъ: болѣе предприимчивые туземцы нанимають нѣсколько чело-
вѣкъ рабочихъ, съ платою каждому изъ нихъ въ день по два
кокана и затѣмъ работы производятся подъ личнымъ надзоромъ
нанимателей, въ пользу которыхъ и поступаетъ сполна все до-
бываемое золото.

Золотоносные пески промываются въ настоящее время преи-
мущественно на правомъ берегу Пянджа, между селеніями Бого-
ракомъ и Саядомъ, на протяженіи рѣки около 120 верстъ, но
самые обильные золотомъ пески находятся, по всей вѣроятности,
еще выше по долинѣ Пянджа.

Въ Бадахшанѣ горная промышленность, въ послѣдніе годы,
значительно упала. Извѣстныя Бадахшанскія рубиновыя копи
болѣе неразработываются, а знаменитыя лапись-лазуревыя копи
близъ Джерма, при покореніи страны авганцами, въ 1873 году,
перешли въ руки авганскаго правительства и составляютъ госу-
дарственную собственность. Частная продажа лапись-лазури въ
Бадахшанѣ и вообще въ Авганистанѣ считается преступленіемъ
и преслѣдуется закономъ строже, чѣмъ продажа золота въ на-
шихъ сибирскихъ рудникахъ.

Вся добываемая въ Бадахшанѣ лапись-лазурь, въ ежегодномъ
количествѣ отъ 800—1000 пудовъ, отправляется въ Кабуль, а
оттуда въ Англію, а вырученныя отъ продажи ея деньги посту-
пають въ доходъ казны.

Надзоръ за контрабандною торговлею лапись-лазурью, въ
Бадахшанѣ, такъ строгъ, что даже въ самомъ Фейзабадѣ не воз-
можно купить ни одного золотника этого, въ сущности совсѣмъ
не драгоцѣннаго камня, ни за какія деньги. Только на обратномъ
нашемъ пути изъ Бадахшана намъ удалось добыть въ Мазаръ и
Шерифъ, при посредствѣ нашего спутника Сары-Джана, одинъ
небольшой кусокъ лапись-лазури, вѣсомъ не болѣе $\frac{3}{4}$ фунта,
за сто кокановъ. Англичане платятъ за пудъ лапись-лазури отъ
800 до 1200 рупій ¹⁾ смотря по его достоинству.

Изъ археологическихъ памятниковъ Бадахшана, замѣчательны
развалины Кафиръ-Кала, близъ Рустака, гдѣ туземцы иногда
находятъ древнія монеты и другія вещи. Пріобрѣтенныя нами

¹⁾ Авганская рупія равняется 75 коп.

три серебряныя монеты, найденныя въ этихъ развалинахъ, относятся дѣйствительно къ весьма отдаленному времени, одна изъ нихъ съ изображеніемъ Софійскаго царя Антіоха на одной сторонѣ и Буцефала Александра на другой, сохранилась весьма хорошо, не смотря на то, что отчеканена по меньшей мѣрѣ за 160 лѣтъ до Р. X. Другія двѣ монеты съ изображеніемъ неизвѣстнаго персидскаго царя и триремы относятся, вѣроятно, къ еще болѣе отдаленной эпохѣ.

Военно-топографическій обзоръ изслѣдованныхъ дорогъ.

Дороги въ восточной Бухарѣ и въ Бадахшанѣ, пролегая болъшею частью по гористой и весьма пересѣченной мѣстности, всѣ безъ исключенія вьючныя. Хотя въ этихъ странахъ встрѣчается иногда и ровная мѣстность, какъ на примѣръ долины Сурхана и Кафирнагана, совершенно доступныя для колесъ на значительномъ протяженіи, но такъ какъ долины эти окаймлены съ трехъ сторонъ горными отрогами, черезъ которые возможно одно только вьючное сообщеніе, то во всей странѣ, въ числѣ мѣстныхъ перевозочныхъ средствъ, арбъ вообще не встрѣчается.

Въ сѣверномъ Авганистанѣ существуетъ также одинъ только вьючный способъ перевозки тяжестей, несмотря на то, что дороги, пролегая здѣсь по равнинамъ, совершенно доступны для колесъ во всякое время года. Отъ Балха до Кундуза, на протяженіи 300 верстъ, дорога вообще не уступаетъ лучшему шоссе, а далѣе къ востоку, между Кундузомъ и Фейзабадомъ, колесное сообщеніе возможно по дорогѣ, ведущей чрезъ селенія Ханабадъ, Палаханъ, Рахимъ, Тешканъ и Аргу. Хотя эта послѣдняя дорога и пересѣкается нѣсколькими отрогами Индо-Куша, имѣющими абсолютной высоты отъ 5 до 6 тысячъ футовъ, но подъемы и спуски на этихъ отрогахъ, при глинисто-песчаномъ грунтѣ, такъ отлоги, что не представляютъ никакого затрудненія для арбаняго движенія.

Вообще можно сказать, что пройденный нами путь отъ Самарканда до Куляба и далѣе до берега Пянджа, на протяженіи около 600 верстъ, какъ недоступный во многихъ мѣстахъ для колеснаго обоза, не имѣетъ серьезнаго значенія, въ смыслѣ пути

слѣдованія артиллеріи и транспортовъ. Но съ другой стороны дорога эта важна въ томъ отношеніи, что она пролегаетъ по самой населенной части страны, обильной водой и продовольственными запасами. Войска, идущія по этой дорогѣ, найдутъ въ пути все необходимое для своего существованія и могутъ, слѣдовательно, ограничиваться однимъ только вьючнымъ обозомъ. Однако артиллерія, за исключеніемъ горной, здѣсь слѣдовать не можетъ. Правда, туземцы мнѣ говорили, что въ 1876 году, во время возстанія въ Дарвазѣ, здѣсь прошли два орудія, изъ Бухары въ Кулябъ, но по дальнѣйшимъ распросамъ оказалось, что орудія эти были малаго калибра и везлись на особо устроенныхъ тележкахъ, съ одиночною запряжкой. По всей вѣроятности эти орудія были ни что иное какъ фальконеты.

Разсматривая нути, ведущіе отъ нашихъ предѣловъ въ Аваганистанъ, только въ смыслѣ возможности движенія по нимъ артиллеріи и колеснаго обоза, нельзя не замѣтить, что самая лучшая въ этомъ отношеніи дорога, ведущая отъ Самарканда черезъ Джамъ, Чирикчи и Гузаръ къ Келифу, а оттуда въ Балхъ и далѣе; но главное и весьма важное неудобство этой дороги состоитъ въ томъ, что отъ Гузара до Келифа, на протяженіи около 130 верстъ, и затѣмъ отъ Келифа до Балха на протяженіи 100 верстъ, она пролегаетъ по малонаселенной и почти безводной степи.

Для устраниенія этого неудобства мною была изслѣдована дорога, ведущая отъ Мазаръ и Шерифа по кратчайшему направленію къ Аму - Дарью, а оттуда въ Ширъ - абадъ и Шуръ - обское ущелье, Желѣзные ворота и селенія Чашма - Хафизанъ къ Гузару. Такъ какъ эта дорога можетъ быть со временемъ важна для насъ въ военномъ отношеніи, то мы позволимъ себѣ описать ее здѣсь нѣсколько подробнѣе, начиная съ Гузара.

Отъ Гузара до селенія Кошюлюшъ 17 верстъ.

Дорога пролегаетъ вдоль праваго берега ручья Гузаръ-Дарьи, по широкой долинѣ и совершенно удобно проходима для арбъ. Кошюлюшъ большее селеніе на правомъ берегу ручья.

Отъ Кошюлюша до Чашма - Хафизана 44 версты.

Первыя 15 верстъ, до селенія Танги Харамъ, дорога пролегаетъ по горной долинѣ, шириною не менѣе одной версты, и

близь селенія пересѣкаетъ быстрый, но не глубокой ручей *Кичикъ-Ура*. Отсюда дорога ведетъ долиною ручья *Кансаи*, 18 верстѣ, до незначительнаго, но каменистаго Хафизанскаго ущелья, черезъ которое протекаетъ ручей, а затѣмъ до самаго селенія *Чашма-Хафизана*, она пролегаетъ долиною ручья Хафизанъ - дарьи, пересѣкая этотъ ручей шесть разъ. Дорога на всемъ протяженіи удобопроходима для арбѣ, но *должна быть разчищена, на разстояніи около полуверсты*, отъ большихъ камней, которыми она, проходя черезъ ущелье, мѣстами завалена. Чашма Хафизанъ, незначительное селеніе, лежащее у верховьевъ ручья того-же имени.

Отъ Чашма-Хафизана до Акъ Сарая 14 верстѣ.

Дорога пролегаетъ горною долиною, по твердому песчаному грунту и вполне удобопроходима для арбѣ. Акъ-Сарай, постоянный дворъ, на берегу ручья того-же имени.

Отъ Акъ-Сарая черезъ ущелья: Желѣзные ворота (у туземцевъ Бузь-гала) и Шуръ-объ до сел. Сайрабъ 38 верстѣ.

Первыя пять верстѣ дорога пролегаетъ по твердой песчаной почвѣ и не представляетъ никакого препятствія для арбянаго движенія; но близь Чарчакскаго перевала начинается *спускъ къ ущелью, называемому Желѣзными воротами, совершенно недоступный для арбѣ*, безъ предварительной разработки дороги. Сначала дорога идетъ сажень 30 вдоль глубокой лощины по искусственному карнизу, шириною въ 4 фута, а далѣе по крутому спуску, заваленному крупною галькою. Для свободнаго арбянаго движенія, здѣсь необходимо расширить карнизъ до двухъ сажень затѣмъ и *расчистить дорогу* отъ крупной гальки, по крайней мѣрѣ *на разстояніи одной версты*. Дальнѣйшій спускъ къ желѣзнымъ воротамъ, на протяженіи 7 верстѣ, довольно отлогъ и хотя мѣстами и заваленъ галькою, но тѣмъ не менѣе доступенъ для арбѣ, въ особенности по сухой песчаной лощинѣ Чакча, тянущейся слѣва параллельно дорогѣ. Самое ущелье Желѣзные ворота, длиною въ три версты, а шириною отъ 6 до 10 сажень, при ровной и твердой песчаной почвѣ, не представляетъ никакого затрудненія для арбянаго движенія, также какъ и дальнѣйшая дорога, на про-

тяженіи 5 верстѣ, до входа въ Шурь-обское ущелье, гдѣ дорога опять требуетъ разработки. Это послѣднее ущелье, по которому протекаетъ небольшой ручей Шурь-объ, тянется двѣ версты и завалено мѣстами крупными обломками горнаго извѣстняка. При выходѣ изъ ущелья дорога круто поднимается изъ лощины Шурь-оба, затѣмъ тянется 7 верстѣ по мѣстности довольно ровной и, наконецъ, снова поднимается круто по каменистому скату, длиною около полу-версты. Для свободнаго арбянаго движенія отъ входа въ Шурь-обское ущелье до этого ската, включительно, на протяженіи около 9 верстѣ, *необходимо: расчистить* дорогу по ущелью отъ крупныхъ камней, устроить болѣе отлогій подъемъ изъ лощины Шурь-оба, и, въ заключеніе, расширить дорогу, при подъемѣ на каменистый скатъ. Отсюда дорога пролегаетъ послѣдніи 13 верстѣ, до селенія Сайраба, по горной долиинѣ, шириною около полу-версты и, при твердой глинисто песчаной почвѣ, не представляетъ никакихъ затрудненій для арбянаго движенія. Сайрабъ довольно значительное селеніе, лежитъ на одномъ изъ притоковъ р. Ширь-абадь-дарьи.

Отъ Сайраба до Лайлякала 29 верстѣ.

Дорога, имѣя твердую песчаную почву, спускается постепенно по горной долиинѣ, шириною около одной версты. Въ 12 верстахъ отъ Сайраба она пересѣкается небольшимъ ручейкомъ, протекающимъ въ глубокой, но не широкой лощинѣ. Берега этой лощины соединяются *узкимъ деревяннымъ мостомъ, требующимъ капитальной перестройки* для движенія по немъ арбѣ. Далѣе дорога пролегаетъ по долиинѣ ручья Ширь-абадь-дарьи и до самаго Лайлякала не представляетъ никакихъ препятствій для арбянаго движенія. Лайлякаль, небольшое селеніе, разбросанное по берегамъ Ширь-абадь-дарьи. Вода здѣсь нѣсколько солоновата на вкусъ, но годная къ употребленію.

Отъ Лайлякала до Ширь-абада 20 верстѣ.

Дорога по прежнему спускается по отлогой долиинѣ Ширь-абадь-дарьи и доступна для арбѣ. Въ 7 верстахъ отъ Ширь-абада дорога два раза пересѣкаетъ ручей, не представляющій впрочемъ, никакихъ затрудненій при переправахъ, но для свободнаго арбянаго движенія необходимо расчистить спуски къ ручью отъ крупныхъ камней.

Г. Ширь-абадъ, съ нѣсколькими окрестными селеніями, лежитъ у самой подошвы горъ. По срединѣ города протекаетъ р. Ширь-абадъ-дарья, съ прозрачною, но солоноватою водою. Вкусъ воды портится здѣсь отъ горной соли, находящейся въ изобиліи въ окрестностяхъ. Климатъ въ Ширь-абадѣ не благоприятенъ для здоровья и все населеніе города страдаетъ изнурительными лихорадками почти круглый годъ.

Отъ Ширь-абада къ Ангару 26 верстъ.

Дорога ведетъ ровною степью и удобопроходима для арбъ. Въ 7-ми верстахъ отъ селенія Ангаръ, дорога переѣзжается незначительнымъ ручьемъ Кара-су, съ солоноватою на вкусъ водою. Ангаръ, небольшое селеніе, лежитъ на арыкѣ съ мутною и солоноватою водою.

Отъ Ангара до Патта-Кисара на берегу Аму-Дарьи 40 верстъ.

Дорога ведетъ равниною 31 версту, до развалинъ г. Хайбара, а далѣе берегомъ Аму-Дарьи до небольшого селенія Патта-Кисаръ, близъ котораго находится переправа. На всемъ протяженіи дорога удобопроходима для арбъ.

Отъ Патта-Кисара до Сіямырта (по авганскому берегу Аму Дарьи) 30 верстъ.

Переправа черезъ Аму-Дарью у Патта-Кисара производится при слияніи рукава съ русломъ. Ширина рѣки на этомъ мѣстѣ около 250 сажень, глубина не менѣе 9 футовъ, быстрота около 3 футовъ въ секунду. Берега отлоги и покрыты: правый пескомъ, и лѣвый высокимъ камышемъ. Средствами къ переправѣ служатъ принадлежащіе авганцамъ два каюка, поднимающіе разомъ одну роту, продолжительность переѣзда съ одного берега до другаго 20 минутъ.

Отъ авганскаго берега дорога пролегаетъ первыя девять верстъ по мѣстности поросшей камышемъ и саксауломъ: затѣмъ слѣдующія 14 верстъ по отлогимъ песчанымъ буграмъ и, наконецъ, послѣдніе семь верстъ по развалинамъ разрушеннаго города. *Сіямыртъ* незначительное селеніе и лежитъ на юго восточной окраинѣ обширныхъ развалинъ. Близъ селенія протекаетъ арыкъ, съ чистою и прѣсною водою. Дорога на всемъ этомъ протяженіи удобопроходима для арбъ, если расширить ее близъ берега, гдѣ она заросла камышемъ.

Отъ селенія Сіямыръ до с. Мазарь-и-Шерифа 26 верстѣ.

Дорога ведетъ степью, почти въ меридіональномъ направленіи, на югъ и совершенно удобопроходима для арбѣ.

Мазарь-и-Шерифъ одинъ изъ лучшихъ городовъ сѣвернаго Авганистана и мѣетъ около 30 тысячъ жителей. Въ 8 верстахъ отъ города, подорогѣ въ Балхъ, лежитъ Тахтапуль, резиденція главнаго начальника края.

Разстояніе отъ Самарканда до Гузара черезъ Джамъ и Чиракчи около 180 верстѣ и отъ Гузара до Мазарь и-Шерифа, по описанной нами дорогѣ, 255 верстѣ; всего 435 верстѣ. Весь этотъ путь, при нѣкоторомъ его исправленіи можетъ быть доступенъ для повозокъ,

Н а с е л е н і е .

Восточная часть Бухарскаго ханства населена преимущественно узбеками и таджиками. Первые изъ нихъ составляютъ самое многочисленное и господствующее племя въ странѣ и дѣлятся на множество родовъ и колѣнъ, имѣющихъ каждое своего бія или старшину. По образу жизни узбеки ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ, племенъ, населяющихъ страну, но по религіозному фанатизму и воинственности характера они далеко превосходятъ таджиковъ и считаютъ себя первенствующимъ народомъ уже по одному тому, что властвующая въ ханствѣ династія происходитъ изъ нихъ рода Макгытъ. При томъ всѣ административныя должности въ странѣ заняты исключительно узбеками.

Таджики или сарты, отличаясь миролюбивымъ, до трусости, характеромъ, не имѣютъ никакого политическаго значенія въ ханствѣ.

Изъ народовъ другихъ національностей, населяющихъ восточную часть ханства, встрѣчаются весьма часто евреи, занимающіеся здѣсь, какъ и вездѣ, исключительно торговлею и сохранившіе типъ, вѣру и обычаи своихъ предковъ, не смотря на свое угнетенно положеніе.

Въ городахъ и большихъ селеніяхъ живутъ также аравитяне и персіяне многіе изъ этихъ послѣднихъ служатъ въ войскахъ

эмира и достигают иногда высших должностей. Въ окрестностях Бальджуана и Куляба встрѣчаются часто цыгане, ведущіе, какъ и по всюду, кочевую жизнь и занимающіеся барышничествомъ.

Въ степной равнинѣ праваго берега Аму-Дарьи, между Кабадіаномъ и Келифомъ, живутъ разбросанно и туркмены, въ нѣсколькихъ аулахъ, построенныхъ изъ камыша. Главное занятіе ихъ скотоводство. Аванцевъ совсѣмъ не видно на Бухарской территоріи, а индусы встрѣчаются тамъ только изрѣдка. Но зато всѣ денежные обороты на базарахъ находятся, почти исключительно въ рукахъ послѣднихъ.

Численность населенія восточной части Бухарскаго ханства неизвѣстна даже самому правительству эмира. Судя однако по множеству городовъ и селеній, встрѣчаемыхъ по дорогѣ отъ Шаара до Куляба, и принимая съ другой стороны во вниманіе слабую населенность степной долины Аму-Дарьи, можно, кажется, принять за достовѣрное, что на всей территоріи восточной части ханства приходится среднимъ числомъ не болѣе 800 человекъ на квадратную милю. Считая поверхность этой страны между меридіанами Гузара и Куляба и параллелями Гиссарскаго бряжа и Аму-Дарьи около 60 тысячъ квадратныхъ верстъ или 1225 квадратныхъ миль, оказывается, что край этотъ имѣетъ почти одинъ миллионъ населенія. По приблизительнымъ выводамъ Ханькова общая цифра населенія всего Бухарскаго ханства, лѣтъ сорокъ тому назадъ, доходила до 2 или 2½ миллионъ.

Высшее управленіе населеніемъ Бухарскаго ханства ввѣрено бекамъ, назначаемымъ и смѣняемымъ произвольно самимъ эмиромъ. Въ административномъ отношеніи ханство раздѣляется на 18 бекствъ, изъ коихъ въ восточной части страны находятся 12, а именно; Гузарское, Китабское, Шаарское, Байсунское, Денноузское, Юрчинское, Сары Джуйское, Гиссарское, Балджуанское, Кулябское, Кабадіанское и Ширъ-абадское ¹⁾. Каждое бекство раздѣляется на меньшія административныя единицы, управле-

¹⁾ Бекства Западной части ханства слѣдующія: Каршилское, Келифское, Чаръ-Джуйское, Карминилское, Нурагинское и Зіатдинское.

мыми особыми чиновниками, называемыми амалекдарами, которые назначаются на должность и смѣняются по произволу бековъ. Кроме того, въ каждомъ селеніи находится старшина или аксакаль, которому непосредственно подчиняются всѣ жители селенія.

Каждый бекъ имѣетъ своего секретаря или диванъ беги, который собственно и управляетъ дѣлами администраціи и заботится о своевременномъ сборѣ податей. Финансами же бека завѣдываетъ состоящій въ распоряженіи его казначей или экономъ, называемой дестурханджи.

Въ нѣкоторыхъ бекствахъ, какъ на примѣръ въ Гузарскомъ, Каршинскомъ, и Гиссарскомъ, должности бековъ занимаютъ въ настоящее время сыновья эмира.

Беки не получаютъ опредѣленнаго содержанія отъ казны, а напротивъ сами вносятъ въ государственную кассу подати, взимаемыя по ихъ распоряженію съ населенія, и кроме того, представляясь ежегодно эмиру, подносятъ ему весьма значительные подарки деньгами и вещами. При посѣщеніи бекства самимъ эмиромъ, бекъ долженъ содержать его самага и всю его свиту, состоящую обыкновенно изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Во время послѣдняго пребыванія эмира въ Шахризабсѣ, тамъ были собраны беки всего бухарскаго ханства и цѣлыя толпы ихъ приближенныхъ.

Хотя по корану размѣръ ежегодныхъ податей, платимыхъ каждымъ мусульманиномъ въ пользу правительства, и не долженъ превышать $\frac{1}{40}$ части стоимости его имущества, но на практикѣ этотъ законъ часто нарушается, смотря по матеріальнымъ потребностямъ бековъ и эмира. Но несмотря на эти патріархальныя отношенія правительства къ народу, бухарцы, по видимому, совершенно довольны своимъ положеніемъ и пользуются, по крайней мѣрѣ въ восточной части ханства, весьма удовлетворительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ.

Въ сѣверномъ Авганистанѣ главную массу населенія составляютъ также узбеки, а въ Бадахшанѣ таджики. Читральская страна, лежащая къ сѣверу отъ Индо-Куша населена кафирами, принявшими мусульманство и неотличающимися въ настоящее время отъ таджиковъ ни по своему образу жизни, ни по языку.

*

Въ половинѣ ХХІ столѣтія вся страна, лежащая между лѣвымъ берегомъ Аму-Дарьи и Индо-Кушемъ, признавала власть Бухарскаго эмира Абдуль-хана, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія Балхъ, Хулумъ и Кундузъ отложились отъ Бухарскаго ханства и образовали отдѣльныя, независимыя государства, подъ управленіемъ собственныхъ хановъ. Бадахшанское ханство и прежде было независимо.

Въ 1850 году авганскій эмиръ Достъ Магометъ покорилъ Балхъ и съ того времени остальные независимыя ханства лѣваго берега Аму-Дарьи стали постепенно подчиняться Авганистану. Сынъ и наслѣдникъ Достъ Магомета ¹⁾ нынѣшній владѣтель Авганистана, эмиръ-Ширъ-Али, вступивъ на престолъ въ 1863 году, утвердилъ окончательно свою власть въ Ташъ-Курганѣ (Хулмѣ) и въ Кундузѣ, а въ 1873 году покорилъ и Бадахшанъ.

Покореніе узбековъ и таджиковъ не обошлось, конечно, безъ насилій и грабежей со стороны авганскихъ войскъ, отличающихся вообще разбойничьими наклонностями и не обузданнымъ духомъ, и туземцы уже съ самага начала привыкли смотрѣть на авганцевъ, какъ на своихъ угнетателей. Вскорѣ общее неудовольствіе распространилось между покорными туземцами, а побѣдители авганцы своею заносчивостью и непомѣрными налогами еще болѣе возбуждали противъ себя ихъ ненависть. Чтобы избавиться отъ ига, туземцы начали мало по малу оставлять край и вскорѣ эмиграція приняла такіе размѣры, что цѣлыя города съ десятками тысячъ жителей совершенно опустѣли и обратились въ развалины. Жители Хулума, Янчи-арыка, Сіягырта и другихъ городовъ переселились въ бухарскія владѣнія.

Не смотря на уменьшеніе податей и другія льготы, данныя туземцамъ въ послѣдніе годы, они все еще недовольны существующими порядками и открыто ропщутъ на свое правительство. Самъ эмиръ Ширъ-Али также не пользуется между ними популярностью, считая его главнымъ виновникомъ своихъ бѣдствій; они смотрятъ на него какъ на узурпатора, занявшаго будто-бы престолъ не по праву, и съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія въ Авганистанъ Абдеррахманъ-хана, единственнаго изъ братьевъ

¹⁾ Умеръ въ 1879 году.

Доста, оставшихся въ живыхъ и, слѣдовательно, главы всей царствующей въ Кабулѣ династіи. Популярность, прибрѣтенная Абдеррахманъ-ханомъ со времени его управленія Балхомъ, еще не изгладилась изъ памяти населенія лѣваго берега Аму-Дарьи. Въ настоящее время страна управляется ханами, утверждаемыми въ этомъ званіи эмиромъ Ширъ-Али. Всѣхъ хановъ пять, а именно: въ Тахтапулѣ, Ташъ-Курганѣ, Кундузѣ, Рустагѣ и Фейзабадѣ. Главный изъ нихъ и командующій всѣми войсками, расположенными въ странѣ, Тахтапульской ханъ Люинабъ-сайбъ, которому подчиняются остальные ханы.'

Всѣ эти сановники природные авганцы, за исключеніемъ одного только Кундузскаго хана, который родомъ узбекъ. Вообще жители Кундуза въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ пользуются многими льготами, за оказанныя ими авганцамъ услуги при покореніи Бадахшана. По словамъ туземцевъ, самая главная изъ этихъ льготъ заключается въ освобожденіи города отъ воинскаго постоя, и дѣйствительно въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Кундузъ, авганскихъ войскъ совсѣмъ нѣтъ.

Числительность населенія сѣвернаго Авганистана и Бадахшана опредѣлить довольно трудно, по неимѣнію точныхъ данныхъ.

По военно-статистическому сборнику ¹⁾ въ Балхѣ и его окрестностяхъ считается 64 тысячи, въ Хулмѣ (Ташъ-Курганѣ) 300 тысячъ, въ Кундузѣ съ окрестностями 400 тысячъ жителей.

Принимая во вниманіе, что въ одномъ только Мазарѣ и Шерифѣ находится въ данное время не менѣе 40 тысячъ жителей и что Тахтапуль, Балхъ и прочія окрестности этого города, мѣста весьма населенныя, можно полагать, что общая числительность населенія Балхскаго оазиса, значительно превышаетъ 100 тысячъ душъ. Въ Ташъ-Курганѣ напротивъ, жителей должно быть гораздо менѣе чѣмъ показано въ сборникѣ. По словамъ туземцевъ въ городѣ этомъ въ настоящее время считается не болѣе 4 тыс. жилыхъ домовъ, вмѣсто прежнихъ 12 тысячъ. Считаая, примѣрно по 10 человекъ на каждый дворъ, получится всего 40 тысячъ жителей на весь городъ. Окрестности же Ташъ Кургана весьма

¹⁾ Выпускъ III изд. 1868 г. стр. 40.

слабо населены, но обширныя развалины Хулума и Янги-арыка свидѣтельствуютъ, что общая цифра населенія Хульмскаго оазиса, въ прежнее время, была не менѣе, чѣмъ показано въ сборникѣ, т. е. 300 тысячъ душъ. Относительно населенности Кундузскаго оазиса можно сказать только, что цифра 400 тысячъ не преувеличена. Несмотря на невыгодныя климатическія условія, Кундузъ и его окрестности, въ особенности долины Ханабада и Талахана, несравненно болѣе населены, чѣмъ остальные оазисы сѣвернаго Авганистана.

Численность населенія Бадахшана неизвѣстна, но едва-ли превышаетъ полумилліонъ ¹⁾ Г. Фейзабадъ, судя по его размѣрамъ и вообще невыгодному расположенію, имѣетъ не болѣе 20 тысячъ жителей, а г. Рустагъ около 15 тысячъ.

Часть страны, лежащая къ сѣверу отъ долины р. Кокчи, населена довольно слабо, но самая долина и часть страны, прилегающая къ Индо-Кушу, значительно болѣе обитаема. Вообще населеніе Бадахшана наиболѣе сгруппировано по крутымъ берегамъ р. Кокчи и въ горныхъ ущельяхъ, орошаемыхъ ея притоками.

По словамъ туземцевъ, авганцы три раза врывались въ Бадахшанъ безуспѣшно, но наконецъ, въ 1873 году, имъ удалось овладѣть страной. Съ тѣхъ поръ взаимныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными не измѣнились къ лучшему и туземцы Бадахшана, недовольные вообще авганскимъ управленіемъ, ждутъ только удобнаго случая къ новому возстанію; авганскіе войска это хорошо знаютъ и ведутъ себя здѣсь какъ въ непріятельской странѣ. Замѣчательно, что природнаго авганскаго населенія, за исключеніемъ войскъ, ни въ долинѣ Аму-Дарьи, ни въ Бадахшанѣ не встрѣчается.

Вооруженныя силы. Бухарскія войска намъ хорошо извѣстны и не представляютъ ничего замѣчательнаго въ военномъ отношеніи. Поэтому мы ограничиваемся здѣсь только нѣсколькими бѣглыми замѣтками о видѣнныхъ нами лично войскахъ эмира.

Въ Шахриязбѣ при эмирѣ находились двѣ тысячи человекъ сарбазовъ и 8 орудій. По своей организаціи они составляли два баталіона и одну батарею.

¹⁾ Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи, Венюкова (стр. 376).

Наружный видъ этихъ войскъ былъ далеко не боевой и даже не регулярный. Сарбазы, одѣтые въ красные куртки, бѣлыя штаны, персидскія шапки изъ черной мерлушки и сапоги, съ довольно короткими голенищами, стояли во фронтѣ безъ ранжира и безъ всякой выправки. Вооруженіе ихъ состояло изъ гладкоствольныхъ ударныхъ и кремневыхъ ружей, попадались часто экземпляры безъ спусковыхъ скобъ и даже безъ замковъ. Командныя слова произносились по русски. Артиллеристы по формѣ одежды отличались отъ пѣхотинцевъ только своими черными куртками.

Видѣнные нами, на площади передъ дворцемъ эмира, орудія были всѣ мѣдныя, гладкостѣнные, 12 фунтоваго калибра и лежали на тяжелыхъ, неповоротливыхъ лафетахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою; тутъ же стояли и зарядные ящики, по одному на каждое орудіе. Всѣ орудія были покрыты чаклами изъ бѣлой парусины.

Кавалеріи въ Шахриязбѣ было весьма немного, всего только одна сотня конныхъ сарбазовъ (хасабадиловъ), вооруженная карабинами, пиками и шапками. Эта сотня составляла собственный конвой эмира.

Во всѣхъ городахъ восточной половины бухарскаго ханства намъ постоянно назначались почетные караулы отъ пѣхоты, состоявшей и здѣсь изъ такихъ же плохо вооруженныхъ сарбазовъ, какихъ мы видѣли въ Шахриязбѣ. Артиллеріи же и кавалеріи во время нашей дальнѣйшей поѣздки по Бухарскимъ владѣніямъ мы болѣе нигдѣ не встрѣчали.

По распроснымъ свѣдѣніямъ, въ полевыхъ войскахъ эмира числится въ настоящее время, всего 12 тысячъ пѣшихъ и 2 тысячи конныхъ сарбазовъ и 60 орудій. Большая часть этихъ войскъ расположена въ западной части ханства.

Въ мирное время всякій пѣхотный и артиллерійскій сарбазъ получаетъ отъ правительства содержанія въ мѣсяцъ 20 кокановъ, или 4 рубля, а въ военное время 35 кокановъ или 7 руб. Кавалеристы (хасабадиры), взамѣнъ денежнаго содержанія, получаютъ пшеницы въ натурѣ, полагая на каждаго по 8 батмановъ (около 8 четвертей) въ годъ.

Вещевое довольствіе сарбазовъ, отпускаемое отъ казны, ограничивается только одною мундирною парюю въ годъ, но и эта одежда выдается имъ на руки лишь на время исполненія ими служебныхъ обязанностей; обыкновенно же они носятъ свою собственную одежду и обувь, не стѣсняясь при этомъ опредѣленною формою. Только для отличія ихъ отъ прочихъ туземцевъ, они обязаны постоянно носить форменную персидскую шапку.

Боевая подготовка бухарскихъ войскъ весьма неудовлетворительна; ученья производятся имъ рѣдко и заключаются только въ ружейныхъ приемахъ и церемоніальномъ маршѣ.

Стрѣлковое дѣло вообще въ застоѣ и практическая стрѣльба совсѣмъ даже не производится. Апатія народа замѣтно отражается на войскахъ и нравственный духъ ихъ въ полномъ упадкѣ. Дисциплина поддерживается одною только строгостью.

Болѣе отрадное явленіе представляли намъ авганскія войска не имѣющіе ничего общаго съ войсками бухарскими.

Авганцы отъ природы обладаютъ воинственнымъ духомъ и искренно преданы военному дѣлу. Гордый, молодцоватый видъ каждаго солдата придаетъ всему ихъ строю, какъ пѣхотному, такъ и кавалерійскому, внушительный боевой характеръ.

Первое наше знакомство съ войсками лѣваго берега Аму-Дарьи началось съ кавалеріи, рода оружія болѣе предпочитаемаго авганцами, и дѣйствительно: взводъ посланный къ намъ на встрѣчу изъ г. Рустака, 1 ноября, былъ по своему наружному виду, превосходенъ. Всадники, одѣтые однообразно въ черныхъ суконныхъ бешметахъ, черныхъ мѣховыхъ шапкахъ и въ длинныхъ сапогахъ, были вооружены карабинами, револьверами и кривыми широкими саблями. Портупеи, патронташи: револьверные получахлы и вообще весь ременный приборъ каждаго всадника были сдѣланы изъ прочной желтой кожи, англійской выдѣлки, и весьма ловко пригнаны. Сѣдла и конская сбруя были также англійской работы. Посадка людей была совершенно свободная, кавалерійская, на длинныхъ стременахъ. Лошади, кровные, туркменскія, съ стриженными гривами, были отлично дрессированы, и всѣ, безъ исключенія, замундштучены. По словамъ авганцевъ, у нихъ въ кавалеріи нѣтъ ни одной лошади, стою-

щей менѣе 100 рупій, т. е. 75 руб. Замѣтно было съ перваго взгляда, что авганскіе всадники умѣютъ и обучать и сберегать своихъ коней и что они вообще относятся къ своему дѣлу съ полнымъ вниманіемъ. Дѣйствительно, можно сказать безъ преувеличенія, что первая забота каждаго авганца—его конь, а вторая — оружіе и преимущественно холодное. Видѣнные нами у авганцевъ сабли были всѣ превосходны: кривые, широкіе и хорошо отточенные клинки вдѣланы въ тонкія желѣзные рукоятки съ такими-же эфесами и носятся въ прочныхъ кожаныхъ ножнахъ, прикрѣпляемыхъ къ лопалямъ портупей посредствомъ двухъ колець. Карабины, весьма хорошей англійской работы, содержатся также въ постоянной чистотѣ и исправности, но всѣ они ударные и гладкоствольные, отчасти уже испорчены отъ долгаго употребленія и во всякомъ случаѣ негодны для боя. Револьверы также не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ, такъ какъ всѣ они системы Кольта. Вообще можно сказать, что англичане не особенно позаботились снабженіемъ авганцевъ хорошимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, зная, что въ критическую минуту оно легко можетъ быть обращено противъ нихъ самихъ.

Авганская кавалерія, съ своей стороны, смотритъ вообще на огнестрѣльное оружіе съ презрѣніемъ и считаетъ это оружіе принадлежностію трусовъ. Уважая только свои сабли и владѣя ими превосходно, она не признаетъ никакого другого боя, кромѣ одной рукопашной схватки. Жаль, что ей скоро придется глупо разочароваться съ своей иллюзіи, но нельзя не замѣтить, что кавалеристы, которые дорожатъ своими конями и саблями болѣе, чѣмъ собою, не могутъ быть плохими въ дѣлѣ.

Авганская пѣхота отличается также своимъ страннымъ наружнымъ видомъ. Одежда ея состоитъ изъ черныхъ суконныхъ куртокъ съ синими плечевыми погонами и черныхъ штановъ на выпускъ, головной уборъ изъ высокой персидской шапки, а обувь изъ кожаныхъ ботинокъ, съ толстыми двойными подошвами, на винтахъ. Аммуницію составляетъ широкій поясной ремень и двѣ патронныя сумки изъ желтой юфтовой кожи. Эта форма одежды не распространена однако на всю пѣхоту и встрѣчена нами только на войскахъ, расположенныхъ въ Бадахшанѣ; въ

Мазаръ и Шерифъ же и Ташъ-Курганъ войска имѣли въ строю черныя персидскія шапки, красныя мундиры, англійскаго покроа, бѣлыя штаны и длинныя сапоги и аммуницію изъ черной юфтовой кожи. Зимомъ авганскія войска носятъ сверхъ мундировъ широкіе плащи, изъ грубой шерстяной матеріи, свѣтло коричневаго цвѣта.

Всѣ видѣнныя нами пѣхотныя части были вооружены ударными винтовками англійскаго издѣлья, съ длинными трехгранными штыками. Авганской артиллеріи въ строю намъ не удалось видѣть и вообще во время нашей поѣздки по авганскимъ владѣніямъ изъ всей артиллеріи мы видѣли только шесть полевыхъ орудій въ Фейзабадѣ; орудія эти были мѣдныя гладкостѣнныя. малаго калибра, и стояли на лафетахъ близъ дворца хана.

По разсказамъ авганцевъ, въ г. Кабулѣ имѣются орудія и новѣйшихъ конструкторій; тамъ же, по ихъ словамъ, находится и оружейный заводъ, на которомъ изготовляются скорострѣльные ружья съ металлическими патронами. Порохъ выдѣлывается также въ Кабулѣ.

Войска, расположенныя въ сѣверномъ Авганистанѣ, сгруппированы въ нѣсколькихъ пунктахъ, но преимущественно въ Мазаръ и Шерифъ. По словамъ авганцевъ, въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ находится постоянно 30 тысячъ войскъ, всѣхъ родовъ оружія. Въ лагерѣ, видѣнномъ нами на сѣверной окраинѣ города, 20-го ноября, находилось около 4 баталіоновъ пѣхоты и двухъ полковъ кавалеріи. Въ Бадахшанѣ авганцы содержатъ весьма мало войскъ: въ началѣ ноября, въ Фейзабадѣ расположенъ былъ только одинъ баталіонъ пѣхоты (600 человекъ) съ 6 орудіями, а въ Рустанѣ одна рота, два эскадрона и 4 орудія, всего около 400 человекъ. Въ Кундузѣ войскъ совсѣмъ не было, а въ Ташъ-Курганѣ, по словамъ авганцевъ, расположенъ былъ баталіонъ пѣхоты, котораго мы однако не видали.

Ученья производятся войскамъ ежедневно и строевое ихъ образованіе весьма удовлетворительно. Построенія дѣлаются по англійскимъ уставамъ, но команды произносятся на авганскомъ языкѣ. Сигналы, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, позаимствованы также отъ англичанъ.

Для распространения тактического образования въ войскахъ, устроено въ Кабулѣ военное училище, изъ котораго въ армію выпускаются молодые люди съ спеціальною военною подготовкою. Преподаваніе въ этомъ училищѣ производится на англійскомъ и персидскомъ языкахъ.

Войска получаютъ свое содержаніе исправно: въ натурѣ казна отпускаетъ солдатамъ только оружіе, учебные припасы и по одной мундирной парѣ въ годъ, а все остальное довольствіе какъ то: провіантское, приварочное, фуражное, вещевое, а также и жалованье отпускается каждому солдату деньгами въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ пѣхотѣ по 5 рупій, въ артиллеріи по 12 рупій и въ кавалеріи по 20 рупій въ мѣсяцъ.

Смотры матеріальному имуществу войскъ производятся весьма часто, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, и всѣ вещи, которыя окажутся при этомъ неисправными или негодными, замѣняются немедленно новыми, съ вычетомъ изъ содержанія виновныхъ полной стоимости вещей, по опредѣленнымъ казеннымъ цѣнамъ.

Лошади въ кавалеріи составляютъ также собственность всадниковъ, но въ случаѣ надобности замѣняются другими, на приведенныхъ основаніяхъ.

Это постоянное контролированіе матеріальнаго имущества людей поддерживаетъ порядокъ въ частяхъ и даетъ авганскимъ войскамъ приличный наружный видъ, но съ другой стороны, частыя денежные вычеты за неисправныя вещи возбуждаютъ ропотъ нижнихъ чиновъ и, при вспыльчивомъ характерѣ авганцевъ, приводятъ часто къ неумѣстнымъ объясненіямъ между подчиненными и ихъ ближайшими начальниками. что весьма вредно отражается на дисциплинѣ.

Подчиняясь вообще дисциплинѣ весьма неохотно, авганскія войска отличаются гордою заносчивостью передъ туземцами и полнымъ неуваженіемъ ихъ правъ собственности. Только одна суровая строгость дисциплинарныхъ наказаній сдерживаетъ нѣсколько произволь этихъ войскъ и уменьшаетъ число ихъ уголовныхъ проступковъ. Но при полномъ отсутствіи нравственнаго воспитанія, авганскія войска обладаютъ хорошимъ воинскимъ духомъ и всегда готовы встрѣтить врага съ какой бы стороны онъ не показался.

Краткій обзоръ Кафиристана, по распроснымъ и другимъ свѣдѣніямъ.

Страна, называемая Кафиристаномъ, занимаетъ южные склоны самой высокой и недоступной части Индо-Куша. Ограниченная съ сѣвера вѣчными снѣгами, съ юга горными долинами, спускающимися къ р. Кабуль-Дарьѣ, съ запада отрогомъ Индо-Куша, окаймляющимъ слѣва теченіе р. Пендшира, и съ востока рѣкою Каме или Купаромъ, площадь Кафиристана невелика: съ востока къ западу она тянется всего на 70 англійскихъ миль, а съ сѣвера на югъ отъ 50 до 70 ¹⁾, но благодаря чрезвычайно пересѣченной мѣстности и главное страшной свирѣпости ея жителей—кафировъ сіягнушей, страна эта и по настоящее время остается совершенно неизслѣдованной. По собраннымъ нами въ Бадахшанѣ свѣдѣніямъ господство кафировъ-сіягнушей (черноризцовъ) не ограничивается приведенными здѣсь предѣлами, но распространяется далѣе къ востоку по южнымъ склонамъ Индо-Куша и верховьямъ р. Кунара, на всю страну, называемую авганцами южною Читралью.

Окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ магометанскимъ населеніемъ, кафиры-сіягнуши сумѣли не только сохранить свою независимость, но успѣли еще навести ужасъ на своихъ сосѣдей своими дикими набѣгами. Самъ Бадахшанскій ханъ Бирчитъ-Саидъ говорилъ намъ, что сіягнуши не боятся ни Бога, ни людей, и что изъ ихъ рукъ еще никто живымъ не ушелъ. За мусульманами они просто охотятся какъ за добычей, такъ какъ, по принятому у нихъ закону, ни одинъ мужчина не можетъ пользоваться гражданскими правами ранѣе, чѣмъ онъ убилъ хоть одного врага. Если имъ въ руки попадется живой мусульманинъ, они зарываютъ его въ землю, по поясъ, и побиваютъ камнями. Чужеземцамъ, забравшимся въ ихъ горныя трущобы, по словамъ авганцевъ, нѣтъ никакого спасенія: со всѣхъ сторонъ, неожиданно, раздастся рѣзкій пронзительный свистъ и толпа сіягнушей мгновенно окружаетъ путниковъ и убиваетъ ихъ безпощадно. По словамъ Бадахшанскихъ туземцевъ, тутъ и бѣгство даже невозможно, такъ какъ никто не можетъ сравниться въ легкости и быстротѣ бѣга съ самими сіягнушами, которые при томъ, съ

¹⁾ Дополненіе къ землевѣднію Риттера-Григорьева стр. 519.

чрезвычайною ловкостью, перепрыгиваютъ чрезъ кусты, камни и самыя глубокія пропасти при помощи своихъ луковъ.

Одежда сіягнушей состоитъ изъ черныхъ полушубковъ, называемыхъ у нихъ чекменемъ, и штановъ до колѣнъ, изъ шерстяной ткани чернаго же цвѣта, называемыхъ бузо. Этотъ мрачный костюмъ, вѣроятно, и далъ имъ названіе сіягнушей или чернорицевъ. Волоса они носятъ длинныя, ниже плечъ, но головнаго убора совсѣмъ не имѣютъ, за исключеніемъ узкой повязки изъ разноцвѣтной шерстяной тесьмы. Обувь ихъ состоитъ зимою изъ черныхъ шерстяныхъ валенокъ, а лѣтомъ изъ башмаковъ, козлиной шкуры, шерстью вверхъ. Видѣнные нами въ Фейзабадѣ сіягнуши были совсѣмъ босые. Всѣ они носятъ также рубахи изъ грубой бумажной ткани.

Вооружены всѣ сіягнуши широкими, острыми кинжалами съ желѣзными рукоятками и длинными, упругими, деревянными луками съ тетивами изъ бычачьихъ жилъ; стрѣлы къ этимъ лукамъ также деревянныя съ тяжелыми и острыми желѣзными наконечниками, намазанными ядомъ. Кинжалы они носятъ на шерстяныхъ поясахъ, называемыхъ ленги, а стрѣлы за плечами въ кожаныхъ колчанахъ. По словамъ очевидцевъ, стрѣлы эти пробиваютъ человѣка насквозь, на разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ. Въ бою сіягнуши бросаются всегда въ кинжалы, дерутся звѣрски, скрипятъ зубами и не даютъ пощады никому.

Къ походамъ они всегда готовы и набѣги ихъ, иногда весьма отдаленные, повторяются безпрестанно, но не иначе какъ пѣшкомъ, такъ какъ лошадей у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ домашнемъ ихъ быту царствуетъ полная анархія, никакихъ властей они не признаютъ и только на время войны избираютъ себѣ вождей, на общихъ сходкахъ.

Живя разбросанно небольшими общинами, въ горныхъ ущельяхъ, сіягнуши часто ссорятся и между собою изъ за права пользованія земельными участками. Эти ссоры оканчиваются не рѣдко кровавыми между ними схватками, въ которыхъ иногда погибаютъ жители цѣлыхъ селеній.

Эти краткія свѣдѣнія о сіягнушахъ, записанныя нами со словъ авганцевъ, подтверждаются въ общихъ чертахъ подробными свѣдѣніями, приведенными въ землевѣдѣніи Риттера.

Судя по домашней обстановкѣ и извѣстнымъ обычаямъ сіягнушей, подробно описанныхъ въ дополненіяхъ къ труду Риттера, нѣтъ никакого сомнѣнія въ индо-европейскомъ ихъ происхожденіи. Въ отношеніи нравственныхъ качествъ, они описываются какъ народъ добродушный, веселый, беззаботный, общежительный, твердый въ словѣ, правдивый, смысленный, въ высшей степени гостепріимный, мужественный и свободолюбивый. Всѣ эти эпитеты не признаются, конечно, за ними мусульманами, которые видятъ въ нихъ только непримиримыхъ враговъ, но тѣмъ не менѣе даже сами авганцы говорятъ о нихъ съ уваженіемъ.

Представленные намъ въ Бадахшанѣ 15 человекъ сіягнушей были всѣ средняго роста и атлетическаго тѣлосложенія; въ каждой ихъ позѣ замѣтны были энергія, сила и ловкость; между тѣмъ были люди различнаго возраста отъ 18 до 40 лѣтнаго, съ русыми и черными волосами, но всѣ они имѣли совершенно правильныя черты лица и умный лукавый ихъ взглядъ, казалось выражалъ къ намъ полное сочувствіе.

Между Бадахшаномъ и Кафиристаномъ нѣтъ и не было ни какихъ торговыхъ сношеній и, по словамъ авганцевъ, сіягнуши не имѣютъ даже никакого понятія о деньгахъ и ни въ чемъ не нуждаются. Богатство ихъ заключается въ скотоводствѣ и земледѣліи: овецъ и рогатаго скота у нихъ вдоволь, хлѣбныя растенія, а также фрукты и виноградъ страна ихъ производитъ въ изобиліи. Винодѣліе у нихъ процвѣтаетъ и вино составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей всего населенія.

По распроснымъ свѣдѣніямъ, мѣстность Кафиристана въ высшей степени пересѣченная, высокія горы перерѣзываютъ страну по всѣмъ направленіямъ, образуя множество долинъ и ущелій, поросшихъ густыми лѣсами изъ ели, сосны, дуба, дикой оливы, и другихъ древесныхъ породъ, свойственныхъ альпійскимъ странамъ и орошаемыхъ горными потоками, съ шумящими водопадами.

Дороги состоятъ исключительно изъ узкихъ горныхъ тропинокъ, извивающихся по отвѣснымъ карнизамъ, надъ глубокими пропастями и по крутымъ рѣчнымъ долинамъ, и доступны только для пѣшеходовъ. Авганцы неоднократно прорывались въ южную Читралъ со стороны Бадахшана, но набѣги ихъ были всегда безу-

спѣшны и ограничивались только раззореніемъ нѣсколькихъ пограничныхъ селеній, заранѣе уже брошенныхъ сіягнушами. По словамъ авганцевъ, никакія войска не могутъ проникнуть въ Кафиристанъ, такъ какъ по дорогамъ, почти на каждомъ шагу, встрѣчаются такія мѣста, на которыхъ нѣсколько десятковъ сіягнушей въ состояніи остановить движеніе цѣлаго отряда и съ вершинъ горныхъ утесовъ забросать каменьями воиновъ съ самымъ лучшимъ вооруженіемъ.

Эти распросныя свѣдѣнія подтверждаются также и историческими фактами; дѣйствительно: ни одинъ завоеватель не могъ никогда проникнуть въ глубь Кафиристана; Александръ великій не покорилъ окончательно эту страну, а знаменитый альпійскій походъ Тимура, предпріятыѣ имъ изъ Бадахшана въ 1408 году, былъ совершенно неудаченъ и ограничился только раззореніемъ нѣсколькихъ селеній, въ отомщеніе за поголовное истребленіе сіягнушами одного изъ лучшихъ полковъ этого великаго завоевателя. Послѣ Тимура монголы, при императорѣ Акбарѣ, снова ворвались въ Кафиристанъ и дошли до горнаго укрѣпленія сіягнушей Гушаль, но, потерпѣвъ неудачу, должны были возвратиться; равнымъ образомъ и походъ персіянъ противъ кафировъ при Надиръ-шахѣ, въ 1739 г. былъ безуспѣшенъ. Сіягнуши остались по прежнему непокоренными и независимыми.

Такимъ образомъ, и распросныя и историческія свѣдѣнія одинаково свидѣтельствуютъ о непоколебимости духа и мужествѣ этихъ свободныхъ горцевъ и малой доступности ихъ страны.

Изъ Бадахшана черезъ Индо-Кушъ въ Кафиристанъ ведутъ однѣ только вьючныя дороги. Главнѣйшая изъ нихъ, отдѣлившись отъ Фейзабада въ юго-восточномъ направленіи, тянется вверхъ по долинѣ р. Кокчи до Зебака, гдѣ она раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна направляется на югъ къ перевалу Дора, а другая, по прежнему, на юго-востокъ, вдоль р. Кокчи къ подошвѣ Индо-Куша. Въ разстояніи 30 верстъ отъ гребня хребта, гдѣ соединяются три горныхъ потока, образующихъ р. Кокчу, эта послѣдняя дорога развѣтвляется на три, ведущихъ каждая, къ одному изъ переваловъ, а именно: восточная къ Нуксанскому, средняя къ Картезанскому, а западная къ Аграмскому. По рас-

просныхъ свѣдѣніямъ, всѣ эти дороги, пролегая по узкимъ береговымъ карнизамъ, доступны только лѣтомъ, съ 1-го мая по 1-е сентября; зимою же, съ паденіемъ перваго снѣга, сообщеніе по нимъ совершенно прекращается, до слѣдующей весны. По словамъ одного авганца, по имени Абдиль-Вагаба, пробиравшагося нѣсколько разъ черезъ весь Кафиристанъ до Пешавера и обратно, подъемы къ переваламъ Индо-Куша съ сѣверной стороны довольно отлоги и покрыты густымъ, хвойнымъ лѣсомъ; дороги же вполне доступны для всадниковъ до самыхъ переваловъ, но растительность совершенно прекращается верстахъ въ 10 отъ гребня Индо-Куша. Южные склоны переваловъ весьма круты и извилисты и доступны только для пѣшеходовъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Григорьевымъ, въ дополненіяхъ къ сочиненію Риттера, самый трудный изъ этихъ переваловъ, переваль Нуксанскій, Кетели-Нуксанъ (изъянистый переваль), черезъ который дорога вьется ужасными тѣснинами около страшныхъ пропастей и съ котораго на Читральскую сторону спускаются не иначе, какъ скатываясь по мерзлomu снѣгу на кожанной подстилкѣ ¹⁾. Болѣе доступны Аграмскій и Картезанскій перевалы, проходимые лѣтомъ какъ людьми, такъ и животными безъ вьюковъ. Но лучшимъ изъ всѣхъ поименованныхъ переваловъ считается переваль Дора или Кетели-дере, съ постепенными, отлогими подъемами, доступными для вьючныхъ животныхъ какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Всѣ эти перевалы, имѣя абсолютной высоты приблизительно отъ 15 до 16 тысячъ футовъ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и проходимы только въ лѣтніе мѣсяцы, когда глубина снѣговъ бываетъ наименьшая. Отъ переваловъ дороги, въ видѣ крутыхъ и извилистыхъ тропинокъ, спускаются въ долину р. Кунара и соединяются близъ селенія Читраль, состоящаго изъ 500 дворовъ и населеннаго кафирами-сіягнушами, которые, по словамъ авганца Абдиль-Вагаба, весьма богаты и гостепріимны. Отъ этого селенія дорога ведетъ далѣе на югъ, по извилистой долинкѣ р. Кунара, но верстахъ въ 40 отъ селенія она развѣтвляется, при чемъ одна дорога ведетъ долиною р. Кунара, черезъ селеніе Друшъ и Кунаръ къ Джелалабаду и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Риттеромъ, удобопроходима

¹⁾ Стр. 508 и 513.

даже для верблюдовъ ¹⁾. На картѣ Уокера дорога эта однако не показана, и самое теченіе р. Кунара обозначено только пунктиромъ; горы же, окаймляющія долину р. Кунара, показаны на этой картѣ высотой отъ 13 до 15 тысячъ футовъ. Другая дорога направляется на юго-востокъ къ Ласпурскому хребту и ведетъ черезъ Лагорійскій переваль Кетели-Лагори въ с. Диръ, принадлежащее уже авганцамъ и имѣющее цитадель съ двумя съ половиною тысячею войскъ и болѣе 1000 человекъ мусульманскаго населенія. Лагорійскій переваль, какъ по письменнымъ, такъ и по распроснымъ свѣдѣніямъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій для каравановъ и доступенъ во всякое время года, не смотря на пересѣченную мѣстность.

Горная страна, лежащая къ югу отъ селенія Диръ до границъ англійскихъ владѣній и вообще вся южная пограничная полоса Кафиристана до самой Кабуль-Дарьи, населенная, сильнымъ и воинственнымъ мусульманскимъ населеніемъ, номинально подчиненнымъ эмиру Ширъ-Али, не болѣе доступна для изслѣдаваній, чѣмъ самая страна сіягнушей, какъ по характеру мѣстности, такъ и по характеру ея жителей.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ англичанами, во время ихъ прежнихъ военныхъ дѣйствій противъ авганскихъ горцевъ, и сообщаемыхъ въ дополненіяхъ къ землевѣдѣнію Риттера, вся эта страна, изрѣзанная высокими горами и глубокими долинами, имѣетъ вполне альпійскій характеръ: горы покрыты густыми хвойными и лиственными лѣсами, а долины, обильно орошаемыя дождями и горными потоками, весьма плодородны и прекрасно обработаны. Земледѣльческія произведенія въ этихъ долинахъ чрезвычайно дешевы, въ восемь разъ, говорятъ, дешевле, чѣмъ въ Кабуль. Господствующее населеніе этой альпійской страны принадлежитъ къ многочисленному авганскому племени Юсуфзиевъ, подраздѣляющемуся на многія колѣна, изъ коихъ каждое управляется своимъ собственнымъ ханомъ. Боевыя силы этихъ независимыхъ горцевъ весьма значительны: такъ напримѣръ колѣно Хвадазайское, занимающее бассейнъ рѣки Цянджкору и образующее одно

¹⁾ Землевѣдѣніе Риттера, Кабулистанъ и Кафиристанъ, переводъ Григорьева, стр. 227.

сильное владѣніе Диръ, въ которомъ считается 62 селенія, можетъ выставить 20 тысячъ стрѣлковъ; другое колѣно Хвадазайское, населяющее правый берегъ рѣки Сватъ, можетъ выставить, кромѣ того, еще изъ 54 селеній 17 тысячъ стрѣлковъ. Колѣно племени Юсуфзиевъ Банзай, живущее по лѣвому берегу рѣки Сватъ, въ 122 селеніяхъ, и раздѣляющееся на роды Ранизай и Дабуза, можетъ выставить 30 тысячъ стрѣлковъ. Колѣно Османъ-Хейлей, образующее союзъ на правомъ берегу рѣки Кабуль-Дарьи, между притоками ея Кунаромъ (каме) и Сватомъ, можетъ выставить 10 тысячъ стрѣлковъ. Пограничный къ англійскимъ владѣніямъ независимый округъ Гуниръ, между рѣками Индомъ и Сватомъ, населенный также Юсуфзіями, Манезайской и Мандизайской отраслей, подраздѣляющихся на десять колѣнъ, можетъ выставить изъ 111 селеній 65 тысячъ вооруженныхъ людей ¹⁾ и т. д.

Очень можетъ быть, что цифры эти нѣсколько и преувеличены, но во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ о густой населенности и богатомъ плодородіи южныхъ склоновъ Индо-куша, а также о значительныхъ, хотя и разбросанныхъ боевыхъ средствахъ Авганистана.

Судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, подтверждаемымъ впрочемъ и письменными источниками, перевалы черезъ Индо-Кушъ, лежащіе къ востоку отъ Читральской страны и ведущіе въ Кашмирскую долину, несравненно болѣе доступны, чѣмъ перевалы ведущіе въ Кафиристанъ. Самымъ удобнымъ изъ нихъ считается Барагильскій перевалъ, называемый Барагильскою степью, который не только доступенъ большую часть года для лошадей и верблюдовъ съ выюками, но даже и для телѣгъ съ кладью ²⁾. Отъ этого перевала одна дорога, по распросамъ, весьма хорошая, ведетъ въ Читральскій городъ Мастучъ, а другая, черезъ города Ясинъ и Гилгитъ, къ верховьямъ Инда и далѣе въ долину Кашмира.

На картѣ Уокера абсолютная высота Барагильскаго перевала не превышаетъ 12 тысячъ футовъ.

¹⁾ Воен. ст. Сѣорнякъ. Вып. III, стр. 41.

²⁾ Дополненіе къ землевѣдѣнію Риттера, стр. 510.

Военный обзоръ.

Наша граница отъ Каспійскаго моря до самыхъ верховьевъ Или и Кунгеса хорошо обезпечена природою отъ всякихъ внѣшнихъ нападений. Заслоненный Тянь-Шаньскимъ хребтомъ, Туркестанскій край почти совершенно недоступенъ для непріятеля съ юга, отъ Кульджи до Самарканда; дѣйствительно: на всемъ этомъ протяженіи, около полуторатысячъ верстъ, представляется возможность переходить Тянь-Шань только въ немногихъ пунктахъ, а именно: изъ долины Юлдуса черезъ перевалы Наратъ, Дагытъ и Кара-Куръ, изъ Кашгарской равнины черезъ перевалы Теректы, Туругартъ и Терекъ-Даванъ и изъ Шахризбса черезъ перевалъ Тохта Карача, но даже и эти немногіе перевалы, какъ недоступныя для артиллеріи и колеснаго обоза, удобопроходимы только для летучихъ отрядовъ ¹⁾. Далѣе на западъ отъ Самарканда до Нукуса, а оттуда до береговъ Каспійскаго моря граница наша вполне обезпечивается слабонаселенною и почти безплодною пустынею.

Но еще болѣе чѣмъ мѣстными условіями Туркестанскій край обезпеченъ отъ внѣшнихъ нападений слабостью своихъ ближайшихъ сосѣдей: китайцы, едва оправившись послѣ нанесеннаго имъ мусульманами погрома, только что утвердились въ восточномъ Туркестанѣ и заняты своимъ внутреннимъ устройствомъ; высокая площадь Памира почти необитаема; Бухарское ханство, находясь въ полной отъ насъ зависимости, не имѣетъ ни военнаго ни политическаго значенія, а Хивинскій оазисъ и Туркестанскія степи подъ наблюденіемъ нашихъ отрядовъ, расположенныхъ на Аму-Дарьѣ и Атрекѣ, успокоились и дикіе набѣги туркменъ перешли навсегда въ область преданій.

При такомъ положеніи дѣлъ вопросъ о пассивной оборонѣ нашихъ границъ не подлежитъ никакому обсужденію.

Остается, слѣдовательно, разобрать вопросы объ активной оборонѣ края и о возможности дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны, если обстоятельства того потребуютъ.

¹⁾ Остальные перевалы, ведущіе черезъ Тянь-Шань, какъ напр. Мутзартскій, Каракацнскій, Муры и другія, такъ мало доступны, что не имѣютъ никакого военнаго значенія.

Необходимость активной обороны можетъ представиться намъ только въ случаѣ одновременнаго нашего разрыва съ Авганистаномъ и Англіею. Судя по прежнимъ и нынѣшнимъ политическимъ и военнымъ событіямъ въ южной Азіи, трудно ожидать заключенія наступательнаго противъ насъ союза со стороны этихъ двухъ державъ, но если бы подобная политическая комбинація дѣйствительно случилась, то нашей естественной оборонительной линіей должна служить Аму-Дарья, а базисомъ восточная половина Бухарскаго ханства. Но такъ какъ успѣшная оборона линіи Аму-Дарьи требуетъ, чтобы мы владѣли обоими берегами этой рѣки, то передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій намъ было-бы крайне необходимо занять и укрѣпить Ташъ-Курганъ (Хулумъ) какъ пунктъ, лежащій на главномъ и, можно сказать, единственномъ пути, по которому можно ожидать появленія противника со стороны Кабулистана. Подъ прикрытіемъ этого передоваго опорнаго пункта, войска наши могли-бы свободно расположиться въ богатой продовольственными средствами восточной половинѣ Бухарскаго ханства, имѣя при томъ полную возможность своевременно задержать наступленіе противника со стороны Индо-Куша.

Нельзя при этомъ однако не замѣтить, что наступательная война англичанъ противъ насъ въ Азіи выходитъ изъ предѣловъ всякаго вѣроятія. Англія, владѣя богатою Индіею, съ ея почти 300 милліоннымъ населеніемъ, озабочена только удержаніемъ въ повиновеніи своихъ разноплеменныхъ подданныхъ и если иногда и принимается за активную оборону своихъ Остъ-Индскихъ границъ, какъ напримѣръ въ 1839—1842 годахъ, или въ нынѣшнемъ году, то это дѣлается только для отстраненія нашего вліянія на Авганистанъ и для поддержанія высокаго мнѣнія о могуществѣ Великобританіи между подвластными ей туземцами. Мнимыя опасенія за Индію были и будутъ постоянно коренною причиною враждебной къ намъ политики Англій въ Европѣ и эта политика приведетъ, конечно, рано или поздно къ боевымъ столкновеніямъ между нами и англичанами въ Азіи, столкновеніямъ, могущимъ имѣть для великобританскаго могущества въ Индіи роковыя послѣдствія.

Разсматривая мѣстность, отдѣляющую насъ отъ англійскихъ азіатскихъ владѣній, и пути, ведущіе отъ нашихъ границъ къ границамъ Индіи, нельзя не замѣтить, что страна эта не болѣе доступна для внѣшнихъ нападений съ сѣвера, чѣмъ нашъ Туркестанскій край съ юга. Обрамленная высокими снѣговыми хребтами Гималая и Индо-Куша и прилегающими къ нимъ горными странами Кафиристана и Кашмира, Индія совершенно обезпечена отъ вторженія значительныхъ силъ противника съ этой стороны и вообще вся горная область Читрала и Кашмира можетъ быть разсматриваема нами только какъ второстепенной театръ военныхъ дѣйствій.

По свойствамъ мѣстности, сѣверо-западные границы Индіи болѣе доступны и, въ случаѣ разрыва нашего съ Англією, главнымъ театромъ войны будетъ, по всей вѣроятности, Кабульская равнина. при чемъ нашею базою должны служить Персія и западный Авганистанъ, а важнѣйшими стратегическими пунктами Герать, Кандагаръ и Кабуль. Въ этомъ случаѣ главная наша операціонная линія пройдетъ съ Кавказа черезъ Персію на Герать и далѣе черезъ Кабуль или Кандагаръ въ долину Пенджаба.

Разборъ этого предпріятія не относится до настоящаго обзора и мы можемъ только замѣтить здѣсь, что походъ въ Индію по этому направленію потребовалъ бы огромныхъ матеріальныхъ средствъ и отвлекъ-бы на продолжительное время значительную часть нашихъ войскъ отъ европейскаго театра войны. Ограничиваясь только обзоромъ дѣйствій, возможныхъ со стороны Туркестанскаго военнаго округа, въ случаѣ нашего разрыва съ Англією, необходимо имѣть въ виду, что при настоящей числительности войскъ округа, мы можемъ выставить въ поле не болѣе 10-ти и 12-ти тысячъ человекъ, тогда какъ англичане легко могутъ выставить противъ насъ изъ долины Пенджаба сто тысячную армію. Хотя нравственный духъ и боевая подготовка этой арміи и значительно уступаютъ духу и тактической подготовкѣ, привычныхъ къ бою, Туркестанскихъ войскъ, тѣмъ не менѣе можно полагать, что наше движеніе черезъ Индо-Кушъ въ Кабулистанъ едва-ли привело-бы къ важнымъ результатамъ при огромномъ

численномъ превосходствѣ и боевыхъ средствахъ Индо-британской арміи. Разсчитывать-же на содѣйствіе или даже просто на сочувствіе къ намъ авганцевъ, при ихъ измѣнчивомъ характерѣ и господствующей у нихъ анархіи, не возможно.

Наконецъ изолированное положеніе Туркестанскаго края, не допускающее возможности получать здѣсь своевременно подкрѣпленій изъ внутреннихъ округовъ Имперіи, требуетъ большой осмотрительности въ борьбѣ нашей съ англичанами въ Азіи.

Съ другой стороны нельзя также не замѣтить, что дороги, ведущія изъ долины Аму-Дарьи въ Кабулистанъ пролегаютъ по весьма слабо населенной мѣстности и представляютъ вообще мало удобствъ для движенія войскъ: изъ извѣстныхъ семи переваловъ или проходовъ, ведущихъ черезъ западный Инду-Кушъ, самымъ лучшимъ считается Баміанскій, но и этотъ проходъ, имѣя абсолютной высоты не менѣе десяти тысячъ футовъ ¹⁾, доступенъ только въ лѣтнее время.

Во всякомъ случаѣ это единственный изъ переваловъ западнаго Индо-Куша, черезъ который, хотя и съ трудомъ, можетъ двигаться артиллерія и если походъ въ Индію со стороны Кавказа когда нибудь осуществится, то для Туркестанскихъ войскъ, которыя примутъ участіе въ этомъ походѣ, путь черезъ Баміанское ущелье только и годенъ.

Разбирая дѣйствія, возможныя противъ англичанъ въ Азіи со стороны одного только Туркестанскаго края, безъ соучастія Кавказа, нельзя не замѣтить, что, при наличныхъ нашихъ боевыхъ средствахъ, дѣйствія эти могутъ имѣть только демонстративный характеръ. Для успѣха дѣла необходимо еще, чтобы цѣль этихъ дѣйствій была бы строго соображена со средствами и также съ политическими и мѣстными условіями.

Пользуясь благоприятнымъ къ намъ настроеніемъ туземцевъ восточной части Бухарскаго ханства, сѣвернаго Авганистана и Бадахшана, казалось-бы удобнымъ, въ случаѣ нашего разрыва съ

¹⁾ Баміанъ лежитъ, собственно, на абсолютной высотѣ 8496 фут.; но предлежащая ему переваль Акъ-рабатъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 11-ть тысячъ фут. абсолютной высоты.

Допол. къ сочиненію Риттера стр. 962—964 и карта Уокера.

Англию, немедленно овладѣть долиною Аму-Дарьи и, укрѣпившись въ Ташъ-Курганѣ (Хулумѣ), занять достаточными силами Бадахшанъ и часть Читральской страны, лежащей къ сѣверу отъ Индо-Куша. Дѣйствуя затѣмъ изъ Бадахшана вверхъ по долинѣ Пянджа, казалось бы возможнымъ перейти Индо-Кушъ черезъ Барагильскій перевалъ и овладѣть сѣверо-западною частью Кашмирской долины до верховьевъ Инда.

По распроснымъ свѣдѣніямъ, населеніе верхней части долины Инда относится весьма не сочувственно къ англичанамъ и самъ Магараджа Кашмира не особенно доволенъ своимъ зависимымъ отъ Англіи положеніемъ и былъ-бы вѣроятно, радъ нашему появленію въ Яссинѣ и Гилгитѣ.

По изслѣдованнымъ нами дорогамъ, движеніе артиллеріи и колеснаго обоза изъ Самарканда возможно только до столицы Барахшана Фейзабада, и то не иначе какъ черезъ сѣверный Авганистанъ. Дальнѣйшая же дорога отъ Фейзабада, черезъ Ишкашмъ до Барагильскаго перевала, почти не извѣстна и, судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, доступна только для вьюковъ. Такимъ образомъ изъ Фейзабада войскамъ пришлось-бы двигаться къ верховьямъ Инда на легкѣ и даже безъ артиллеріи, за исключеніемъ горной, но за то трудно было бы ожидать и серьезнаго сопротивленія отъ англичанъ на пересѣченной мѣстности сѣверо-западной части Кашмирской долины.

Не смотря на невыгодныя мѣстныя условія, которыя войскамъ пришлось-бы преодолевать между Фейзабадомъ и Барагильскимъ переваломъ нельзя однако не признать, что движеніе въ этомъ направленіи имѣетъ еще нѣкоторые шансы на успѣхъ, тогда какъ всякая попытка съ нашей стороны приблизиться къ границамъ Индіи черезъ Кафиристанъ была бы совершенно безуспѣшна, такъ какъ эта дикая, горная страна одинаково недоступна, какъ для насъ, такъ и для англичанъ.

Если движеніе нашихъ войскъ къ Барагильскому перевалу признано будетъ цѣлесообразнымъ, то было-бы весьма полезно изслѣдовать еще мѣстность и дорогу, ведущую отъ юго восточной части Ферганской области черезъ перевалы Терекъ-Даванъ и Ташъ-Мурунъ по кратчайшему направленію къ Барагильском у перевалу,

такъ какъ возможность движенія отряда этимъ путемъ значительно сократила бы длину нашей операціонной линіи и способствовала-бы скрытности марша нашихъ войскъ, до самаго появленія ихъ на границахъ Кашмирскихъ владѣній.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, все, что казалось-бы возможнымъ предпринять въ данное время противъ Англичанъ въ Азіи нашими силами Туркестанскаго края.

Съ боевой точки зрѣнія эта операція можетъ казаться не рѣшительной и неведущей къ важнымъ результатамъ, но если принять во вниманіе, что британское могущество въ Индіи вообще, а въ особенности въ вассальныхъ ея владѣніяхъ, какъ напримѣръ въ Кашмирѣ и въ Нипалѣ, держится на весьма шаткихъ основахъ, то становится весьма вѣроятнымъ, что появленіе нашихъ войскъ, хотя-бы и въ незначительныхъ силахъ на верховьяхъ Инда, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ для насъ условіяхъ, можетъ сильно подорвать авторитетъ англичанъ въ Индіи и имѣть для Англіи весьма непріятныя послѣдствія.

З а к л ю ч е н і е .

Въ заключеніе нельзя не сознаться, что намъ далеко не удалось выполнить первоначальный планъ нашей поѣздки и что весь результатъ, достигнутый почти трехмѣсячнымъ странствованіемъ, ограничивается только поверхностнымъ знакомствомъ съ восточною частью Бухарскаго ханства, сѣвернымъ Авганистаномъ и Багдашаномъ. Весь научный интересъ нашего путешествія заключается въ собранныхъ нами географическихъ данныхъ, изъ коихъ можно перечислить здѣсь слѣдующія: 1) сдѣлана маршрутная съемка пройденнаго пути всего около 1,500 верстъ, въ масштабѣ 5 вер. въ дюймѣ, съ нанесеніемъ на ней 96 абсолютныхъ высотъ, определенныхъ нами посредствомъ наблюденія барометра 2) определено географическое положеніе пяти пунктовъ, а именно: *Фейзабада*, *Рустака*, *Кундуза*, *Ташъ-Кургана* и *Мазаръ и Шерифа*. и 3) произведены магнитныя наблюденія, какъ въ этихъ городахъ, за исключеніемъ *Ташъ-Кургана*, такъ и въ городахъ восточной части Бухарскаго ханства: *Шааръ*, *Ширъ-Абадъ*, *Байсунъ*, *Каратаи* и *Кульбъ*, всего въ девяти пунктахъ.

Но главная цѣль нашей поѣздки изслѣдованіе путей и мѣстности до самыхъ границъ Индіи не достигнута: зимнее время, недоступность Кафиристана, подозрительность Авганцевъ и наконецъ, открытіе англичанами военныхъ дѣйствій въ Кабулистанѣ заставили насъ отказаться отъ дальнѣйшей поѣздки и возвратиться почти съ половины пути. Желаніе проникнуть черезъ таинственный Кафиристанъ и достигнуть Кабула было у всѣхъ насъ по прежнему неизмѣнно, но задача эта оказалась намъ не по силамъ, такъ какъ обстоятельства были противъ насъ, а извѣстно что не только на войнѣ, но и вообще въ жизни обстоятельства повелѣваютъ.
